

ALEKSEY TYRISHKIN

КОМУ НУЖНА ТВОЯ ПРАВДА?

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Тырышкин

Кому нужна твоя правда?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66371486

SelfPub; 2022

Аннотация

В городскую газету приходит новый человек – молодой и талантливый Шурик Тонов. Опыта у него нет, но это не беда, решили в издании, подучим! Знать бы работникам пера и диктофона, кого приняли на работу...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Встреча на высоте	4
2. На планерке.	11
3. Новичок	16
4. Заметка	24
5. Третье «О»	35
6. Вторая сторона	44
7. Митинг – это весело	49
8. Смелый критик	59
9. Согрин и сайт	68
10. Выбора нет	76
11. Визит хакера	80
12. Предвыборные страсти	85
13. Мастер-класс по авторскому праву	93
14. Как писать рекламные статьи	104
15. Дебаты	110
16. Фактчекинг	120
17. Подарок от Согрина	126
18. Планерка и стрельба	132

Алексей Тырышкин

Кому нужна твоя правда?

1. Встреча на высоте

Раннее майское утро сорокалетний редактор газеты «Городская жизнь» Витя Плашкин встречал хуже не придумаешь. Он болтался, схватившись за хлипкий провод, свисавший с крыши пятиэтажной хрущевки примерно на уровне четвертого этажа. Сил, чтобы самостоятельно выкарабкаться из этой ситуации у отвыкшего от физического труда ещё в школе Вити не имелось. У него даже горло перехватило от волнения и страха, поэтому он не мог позвать на помощь.

Справа и слева балконы были абсолютно безлюдны. Лишь из окна напротив на него с подозрением скалилась худосочная болонка, видимо, посчитав, что толстячок задумал свое цирковое шоу с канатом для похищения её любимой косточки. Витя Плашкин задумчиво и величаво провернулся вокруг своей оси под воздействием сил тяжести. Спасительный кабель слегка дрогнул, намекая, что время его на исходе.

Тут-то его и заметил какой-то паренек с третьего этажа, выйдя на балкон покурить. Он с восторгом открыл рот, выплевывая начатую сигарету, потом завопил в открытую дверь внутрь комнаты:

– Пацаны, хватайте камеру, бегите сюда! Тут мужик с крыши прыгает!

– Я не прыгаю! – пропыхтел Плашкин, дёрнувшись от возмущения. Его вновь провернуло вокруг оси. – Я... помогите!!!

– Снимай, снимай! – азартно голосили с третьего этажа, явно его не расслышав. – За такое и миллион подписоты можно хайпануть!

– Помо... помогите! – мявкнул в робкой попытке достучаться до мозгов юных видеоблогеров Плашкин. Троица только довернула зум камеры, чтобы снять страдания газетного редактора крупным планом.

– Вырастили поколение малолетних дебилов на свою голову, – простонал себе под нос Плашкин.

– Не, так мы лайки не заработаем, – рассудил один из юных видеоблогеров. – Вот если бы он упал, другое дело. И ещё бы так – хлобысь, и мозги в сторону!

– С четвёртого этажа? Ты прикалываешься? – усомнился его напарник. – Он только газон помнёт.

– Дяденька, – попросил третий. – Может ты сам брякнешься? И тебе смысла нет висеть, только упадёшь уставшим, и нам красивая картинка. А?

– Эй! – постарался как можно громко крикнуть Плашкин. – Я ведь если слезу отсюда, я до вас доберусь! Я ваши лица запомнил! Задницу надеру!

– Угрожает, – констатировал один из видеоблоге-

ров. – Стадия принятия неизбежного. Скоро начнет торговаться.

– Фиг ему, а не доля с монетизации.

– Да, дождёмся пятой стадии – принятие своей участи. Вот после неё точно уронится. Только бы аккумуляторов хватило, я же камеру с вечера не заряжал.

Пока они переговаривались, на самой крыше что-то зашуршало, заворочалось и вскоре вниз, метрах в двух справа от терпящего бедствие редактора газеты, развернувшись в воздухе, провисли два альпинистских троса. Как раз между ним и видеоблогерами. Плашкин поднял голову вверх и увидел, как на самом верху слезает с кромки крыши на своей сидушке, похожей на качели, промышленный альпинист. Невысокий крепыш с голубой банданой, плотной камуфляжной робе и кирзовых сапогах стремительно развернул в воздухе свой инструмент в виде ведерка с краской, щетки и молоточка. Все это было надежно закреплено на его поясе с помощью карабинов. Слегка насвистывая шансонистую песенку, он начал неторопливо стравливать трос, снижаясь по стене. Его сонный взгляд скользнул по окнам, по стене... уткнулся в шумящих юнцов, которые мгновенно замолкли. Потом он заметил и Плашкина.

– Бро, – обратился к Вите альпинист. – Тут я дыру заделываю, Иваныч тебе не заплатит, зря стараешься.

– Я не альпинист, – прохрипел Плашкин, чувствуя, что силы уже покидают его. – Фото... Я хотел снять вид утренне-

го города с крыши! Тут самый хороший ракурс... Поскользнулся и выпал...

Потом он опомнился и заорал.

– Помогите! Падаю!

– Да хорош вопить, – поморщился промышленный альпинист. Он притянул к себе страховочный трос и качнул его в сторону редактора.

– Хватайся!

Плашкина дважды просить не пришлось. Едва он перехватил страховочный трос, альпинист притянул его за жумар к себе. Передал жумар в посиневшую руку спасенного и велел, постепенно стравливая трос, медленно спускаться вниз.

– Чем же ты снимал-то, горе-фотограф? – ухмыльнулся альпинист, дыхнув на редактора смесью чеснока с ядерным перегаром. Плашкин с грустью посмотрел вниз, на бетонный парапет, об который развалилась на куски его любимая полноформатная камера «Никон».

– Соболезную, – кивнул альпинист, проследив его взгляд. Не меняя скорбную мину, он спихнул Плашкина вниз и тот начал плавный спуск к земле.

– Блин, ну вы чо! – разочарованно пискнул один из юных блогеров, запоздало догадавшись, что кровавая трагедия в прямом эфире отменяется.

– О! – заметил их присутствие альпинист. – Местные папарацци! Ну-ка домой! Там «Лунтик» в самом разгаре, а тут у нас формат +18. Рано вам такое.

– Ой, да ладно! – оскалился тот что был с камерой. – Нам уже по восемнадцать, и мы студенты!

– Студенты? Половозрелые самцы в полном расцвете гормонов и мозгов? Это в корне меняет дело! – торжественно отозвался альпинист, отстегивая страховочный пояс. Крякнув, он встал на свою площадку ногами, расстегнул ширинку... – Тогда начинаем шоу!

– Эй, ты что заду...

– Вуааааля! Девочки, давайте хором: «Мать-моржиха, дай дождя»! Да пройдет золотой дождь!

Вопль юного видеоблогера перешел в бессвязный мат, к нему нестройным хором подключились и его друзья, ибо альпинист ничтоже сумняшеся направил на них мощную струю мочи – благо висел в полутора метрах в стороне и немного выше их балкона. Оплевываясь, матерясь и отряхиваясь, троица бросилась прятаться в комнату.

Альпинист спустился на землю, сдёрнул с себя амуницию и подошёл к сидящему перед обломками камеры редактору.

– Дорогая, небось? – участливо спросил небесный шоумен. Плашкин кивнул.

– Один объектив чего стоит. От него только обломки. И у тушки матрицу в хлам.

Потом опомнился, вскочил, принялся жать руку своему спасителю.

– Да что там камера! Если бы не вы! Я бы... Спасибо! Спасибо!

– Да ничего особого. Что мне там, пялиться на тебя что ли было. – скромно усмехнулся альпинист.

– Деньги? Давайте я вам в знак благодарности...

–...Обижаешь! Я что, барыга базарный, за спасение деньгами брать? Хватит и простого «спасибо»!

– А если «спасибо» и коньяк? – опытный редактор знал, чем уважить человека труда. Вопрос попал в цель. Альпинист благостно улыбнулся.

– Смекаешь!

– Вот и отлично, я завтра тогда сразу после планерки к тебе сюда заеду, коньяк подвезу. Самый лучший!

– Сюда заедешь? – недоуменно оглянулся альпинист. – А нахху... зачем именно сюда? Я сейчас дыру заделаю на третьем этаже и всё, ищи-свищи меня. И тут из всех достопримечательностей будут лишь три малолетних обтекателя ссаниной при модной видеокамере. Эх, как они удачно подвернулись, я ж с утра пива дёрнул в виде опохмела, думал, пора подгузники надевать. Там-то на высоте сходить некуда. Только в форточку разве кому.

– Так куда приехать? Где у вас база?

– Да нигде, собственно, – пожал плечами альпинист. – Сегодня здесь, завтра там. Дай лучше свой адресок, и я заскочу, как буду свободен. А? Ты где работаешь?

– Я редактор газеты «Городская жизнь», – гордо поведал Плашкин. – Меня зовут Виктор Петрович Плашкин, слышал, может быть? Редакция у меня по адресу...

– Газетчик? – уточнил альпинист. – Бюджетник что ли? Э, ну тогда какие с тебя коньяки, уважаемый, вы там и так с хлеба на жаренные факты от голода перебиваетесь.

– С чего ты взял, что мы нищие? Да и не бюджетники вовсе! – возмутился Витя. – У нас частная газета, рекламы много, денег зарабатываем прилично. Владелец издания – Сергей Фаддеевич Кулик нас не обижает. Кстати, он как раз в этом доме живет! Вот было бы радости ему с утра выйти на работу и обнаружить мое тело на асфальте... В общем, прекрасный собственник. Всё платит в срок, иногда и премии солидные выделяет.

– Ну да, похоже так и есть, – согласился альпинист, глянув на останки полноформатной камеры. Видимо, он смутно разбирался в моделях. Хотя бы на уровне их цен, и понимал, что стоит такая примерно, как средней паршивости иномарка. – Как, говоришь, твоего хозяина зовут? Кулек?

– Не хозяина, а собственника издания, в котором я работаю, – аккуратно подчеркнул Плашкин. – А фамилия его Кулик. Довольно известный в городе человек.

– Ясно. Ну тогда до завтра. Завтра я к тебе приеду. Хорошо?

– Хорошо. Вот мой телефон на визитке. Звони, я всегда буду рад!

2. На планерке.

Планерка в газете «Городская жизнь» была в самом разгаре. То есть, уже половина собравшихся мерно клевала носом. Вторая всячески изображала внимание, но мысленно была солидарна с первой.

По старой доброй традиции сначала речь вела главный редактор Инна Рейнгольдовна Кольберг, седовласая старушка в очках, чья толщина стекол напоминала иллюминаторы. Вот и смотрела она своими маленькими голубыми глазками на мир вокруг, как на нечто удивительное и тайное. Будто ее погрузили в Марианскую впадину в батискафе.

– Не мне напоминать вам наши правила! Наши три золотые «О» – Оперативность, Ответственность и... Карамышев?

– Оптимизм, – подсказал сонно фотокор Карамышев, длинный и худощавый дядька с щегольскими усиками и отрешенным лицом настоящего буддиста. Впрочем, по-настоящему он был просто пофигистом, а буддизмом прикрывал свои пофигические наклонности солидности ради.

– Оптимизм! Именно, Карамышев! – голосом заслуженной учительницы РСФСР подхватила Инна Рейнгольдовна. – А ваши фотографии в последнее время сквозят безысходностью!

– Мои фотографии отражают реальность. Я не виноват,

что реальность полна печали.

– Позитив сам себя не отыщет, Карамышев! Ищите в жизни позитив, и будет вам счастье!

– А мне кажется, тут дело не в позитиве. Он просто на какой-то своей волне, – пожаловалась на фотокора молодая журналистка Танечка Вялоклюева, для солидности заимевшая псевдоним Красавина. – Я ему даю задание сфотографировать весеннюю капель. А он что?

– Что?

– Он притаскивает фото капельницы, которую втыкают в какую-то бабулю!

– Но-но, «какую-то», я ради кадра любимой тещей пожертвовал, – буркнул фотокор, даже не глянув на Танечку.

– Предлагаю предупредить фотокора о неполном служебном соответствии! – пылко продолжила Танечка. – А в следующий раз – штраф! Чтобы знал...

– Что вы на это скажете, Карамышев? – спросила Инна Рейнгольдовна. Фотокор равнодушно пожал плечами. Все время планерки он старательно чистил свой набор объективов, которые и так сверкали кристальной чистотой. Просто чтобы занять руки в это пустейшее, по его мнению, времяпровождение.

– Что тут сказать? Предлагаю оштрафовать меня сейчас и вырученные деньги передать нашей журналистке, чтобы ей было чем платить таксистам за проезд. У меня окна кабинета выходят на стоянку, и видеть, как она каждый раз за по-

ездку расплачивается натурой прямо в машине, мне не комильфо. У меня жена и дети. Собака, в конце концов. А сам я буддист строгих правил.

Проснувшийся коллектив воззрился на Танечку, наблюдая с любопытством естествоиспытателя, как плавно краснеет ее миловидное веснушчатое лицо от щек и далее до ушей и шеи.

– Я... я... Это мой парень, Марат и мы любим друг друга!

– Любите друг друга менее пылко, а то когда такси на стоянке скачет под ритмы секса, и ваша голая задница, мамзель, мелькает в лобовом стекле, на эту картинку сбегаются все охранники нашего офисного здания.

Танечка уже просто пылала от стыда. А фотокор равнодушно продолжил, попутно просматривая на свет цейсовский объектив 24-70 с постоянной светосилой 2,8, что являлся жемчужиной его коллекции дорогостоящих стекляшек.

– В общем, если редакция так уж жаждет позитива, в следующий раз я устрою вам, дорогая, классный оптимистичный, оперативный и ответственный фотосет. И фотографии потом в разные...

– Ну хватит! – прервала его Инна Рейнгольдовна. Танечка уже сорвалась с места, всхлипывая на ходу, исчезая в сторону туалета. – Ни стыда, ни совести!

– Согласен! – кивнул фотокор, делая вид, что воспринял этот выпад на счет журналистки. – Ни стыда, ни совести!

А еще у нее вкуса нет. Носить в 21-м веке трусы в горошек – уму не постижимо!

В стороне туалета раздался звучный всхлип.

– Виктор Петрович, вы то почему молчите? – воззвала главный редактор к выпускающему редактору – Виктору Плашкину. Тот решительно кивнул.

– Согласен.

– С чем?

– Тот факт, что у нас в штате только один журналист – это очень плохо. Танечка вот-вот да в декрет соберется. И что мы будем делать?

– Да мы вроде не это сейчас обсуждали.

– А может и зря, что не это. Может, в этом и причина наших всех проблем. Она у нас одна рабочая лошадка.

– Кобыла, – буркнул еле слышно фотокор, отложив цейсовский объектив и принявшись за сверхсветосильную фиксу от «Сигмы».

– Что? – не расслышала Инна Рейнгольдовна.

– Правильно, говорю, Витя идею подал, – громче сказал Карамышев. – Она тут у нас ходит одна, вся такая из себя... звезда, что с волосами. Незаменимая. Пальцы гнет, что сталистую проволоку. А если еще кого из журналистов в штат примем, так и конкуренция у них появится.

– Вы думаете, присутствие еще одного журналиста заставит ее писать активнее и лучше? – с сомнением в голосе спросила Инна Рейнгольдовна. Она украдкой метнула взгляд

в сторону туалета. Потом чуть тише добавила. – Хм, сомневаюсь!

– А вы не сомневайтесь. У моего деда было правило в деревне. Он никогда по одной свинье не выращивал на мясо. Одна корм плохо ест. А вот когда их двое, так они и жрут, да побыстрее. Голоден – не голоден. Лишь бы второй свинке кусок не достался. А? Психология!

– Ну уж вы сравнили: свинью и журналиста.

– А что вы думаете, журналист хуже свиньи что ли? – обиделся за творческую братию фотокор.

– Хорошо, – после некоторого раздумья произнесла Инна Кольберг. – Я постараюсь донести до собственника ваше предложение о расширении штата. Если все получится, готовьте уже в этот номер объявление о приеме на работу журналиста.

3. Новичок

Промышленный альпинист, спаситель редактора и просто хороший человек (по его собственной версии) явился в газету на следующее утро. Как раз закончилась планерка, все разошлись по рабочим местам, Витя Плашкин принимал в своем кабинете пару странно одетых граждан, которые именовали себя тикток-эмоготофриками и жаловались, что в городе их никто не принимает всерьез, все насмеваются, а старушки даже плюют в спину.

Граждане имели наружность утопленников трехдневной давности, длинные черные локоны до плеч и длинные же ногти, выкрашенные в розовый цвет. Соблазна заняться с данным коллективом плотнее у редактора совершенно не возникало. Оттого он лишь развел руками.

– А что я могу сделать? Старушек от вас я не отгоню.

– Напишите статью. Про наши идеи, наши убеждения. Люди поймут, что бояться нас не стоит и перестанут на нас смотреть, как на зверей в зоопарке.

Витя с сомнением посмотрел на парочку, одетую в черные рясы с серебряными рунами, на их изможденные лица с суровым металлическим пирсингом.

– Думаю, одной статьей тут не отделаешься.

– Напишите серию статей, – благодушно разрешили эмоготофрики.

В этот момент в дверь небрежно постучались, а затем она открылась и на пороге возник альпинист-спаситель.

– О! Кого я вижу! – обрадовался Плашкин, вставая и протягивая руку гостю. – Сейчас я освобожусь, и мы сгоняем за коньяком.

Гость отрицательно покачал головой.

– Погоди, редактор. Тут у меня другая мысль созрела.

– Что за мысль?

– А меня Иваныч там на работе кинул. Ну мы повздорили, в общем, я ушел. И ты знаешь, надоело уже здоровье на крышах оставлять. А вы тут сидите себе в теплых кабинетиках. Светло и мухи не кусают. Да и платят неплохо, сам говоришь.

– И что ты предлагаешь? – спросил Плашкин в недобром предчувствии. И оно не обмануло. Гость показал ему последний номер газеты, чуть заляпанный рыбой и кругом от кружки пива – как раз на месте объявления, что редакция ищет нового корреспондента на работу.

– Сделай доброе дело вместо ящика коньяка. Возьми к себе на работу журналистом.

– Что? – пискнул от неожиданности Плашкин. – Журналистом? Но ведь это... Журналистов же с улиц не берут! Они ведь, что логично, должны статьи уметь писать. Грамотно, интересно.

– Ничего страшного, научишь, – невозмутимо парировал альпинист. – Я быстро учусь.

– И с людьми совершенно разными общаться, – добавил

Плашкин. Суетливо повертев головой в поисках примера разных людей, он ткнул пальцем в эмоготофриков. – Вот, к примеру, такими.

Экс-альпинист внимательно посмотрел на чудных существ. Смешался немного, но через пару мгновений вновь обрел невозмутимый вид.

– Тоже ничего страшного. Если присмотреться, они вполне так норм. Вон та крайняя девочка даже очень ебательной наружности.

– Я мальчик! – возразило крайнее существо.

– Бррр... – скривился альпинист. – Тогда проблемка имеется. Ну-ка, ребяташки, валите к себе на кладбище, поразлагайтесь там тлетворно, покамест взрослые дяди общаются. Давай, давай, чего вылупились, будто два месяца не какали.

Когда они вышли, альпинист слегка отер рукавом стул после "девочки ебательной наружности", сел и продолжил.

– Короче, ты все равно ничего не теряешь. Не устроит, как работаю, через три месяца фьюить – скажешь мне, и я свалю.

– Три месяца? – с сомнением прищурился Плашкин. Наглость парня ему понравилась – без хорошей наглости трудно корреспонденту делать смелые сюжеты.

– Все по-честному.

Опять же без стука в кабинет вошел собственник газеты, Сергей Кулик. Седовласый плотный мужчина с хищными глазами глянул на парня, потом спросил Плашкина:

– Сильно занят?

– А очень даже хорошо, что вы заглянули! Тут вот человек к нам пришел устраиваться корреспондентом.

Кулик с интересом посмотрел на альпиниста. Руки даже и не думал подавать. С таким видом гораздо ближе был интерес покупателя лошади, готовящегося осмотреть зубы у живого товара.

– Работал где раньше?

– Конечно, – с готовностью отвечал альпинист, глядя на собственника без тени робости. – Только не журналистом. Но это фигня. Главное, я с людьми умею сходитья. И вообще я того, – тут претендент на вакансию покрутил у виска. – Психолог от Бога.

Кулик сначала скривился. Затем ему пришла в голову какая-то занимательная мысль.

– А мы сейчас проверим твои умения, психолог от Бога. Там в приемной наш фотокор сидит, рыбок в аквариуме рассматривает. Сумеешь его из себя вывести – берём на работу.

– Я его еще на умение писать не проверял, – буркнул Плашкин. Ему как редактору совсем не улыбалось править писанину новичка, а то и переписывать все заново. Уже имелся негативный опыт сотрудничества с юнкорами.

– Фигня, научится, – легко отмахнулся Кулик. – Так что, готов?

– Офигеть испытание, – восхитился претендент. – А может еще старушку-уборщицу избить? Или в морду вашему охраннику плюнуть? А то они там все равно мышей не ловят,

даже не спросили, куда иду. Все какое-то такси стерегут.

Плашкин прыснул в ладошку. Кулик махнул рукой.

– Пойдем, покажу в чем прикол.

Собственник газеты уверенно привел спутников в просторную приемную перед своим кабинетом. Там на кожаном диване перед огромным аквариумом сидел задумчивый Карамышев и гипнотизировал взглядом сомика. Кулик сделал знак, мол, смотри внимательно, и обратился к фотокору:

– Слышь, Петро, твои фотки с конкурса прислали обратно. Сказали, полный отстой. Дебил, говорят, какой-то криворукий снимал.

– Следовало ожидать, – с меланхоличностью ослика Иа отвечал Карамышев. – Там в жюри одни геи и латыши. Ни те, ни другие ничего не смыслят в фотоискусстве. Для них и Воздвиженский с Гринбергом будут так себе.

Кулик переступил с пятки на носок, покачнувшись всем телом, потом продолжил:

– А может, дело в тебе? Может, ты снимать не умеешь и тебя надо увольнять?

– А я за место не держусь, – спокойно пожал плечами Карамышев. – Не нравятся мои работы, тут дело вкуса, ничего не попишешь.

Кулик переглянулся с Плашкиным. Витя продолжил дело шефа по доставанию фотокора.

– Слушай, а вот когда тебе сказали сфотографировать пенсионерку, которая разглядывает квитанцию за квартпла-

ту и держится за сердце, ты чего ее сфотал на базаре со свиным сердцем в руках? Ты разве не понял задания?

– Задание я выполнил четко и в срок. Не нравится – не ставьте.

– Иди переснимай!

– Иди и сам пересними. Иначе зачем ты себе камеру последней модели взял? Явно же красоваться на улице. Вот и вперед. Покажи неумехе класс.

Плашкин переглянулся с претендентом на вакансию и тяжело вздохнул. Его новомодная камера уже приказала долго жить. А фотокор упоминанием о ней лишь разбередил душу.

Карамышев без особых волнений достал из неразлучной фотосумки тряпочку, камеру, принявшись начищать объектив.

Кулик и Плашкин устремили приглашающие взоры на новичка, мол, теперь твоя очередь доставать фотокора. Тот в свою очередь только развел руками.

– Пошли, мужики, тут ничего не попишешь. Случай запущенный.

"Сдался!" облегченно подумал Плашкин, решив, что в конце концов сможет отделаться одним коньяком. Однако, едва они отошли немного от Карамышева, сдавшийся претендент негромко, но четко добавил с презрением в голосе:

– Что он может хорошего снять, если у него говенный «Никон»?

– Что?! – послышался удивленный возглас фотокора ему

в спину. Экс-альпинист медленно, как в фильмах про ковбоев, когда главному герою кидают вызов в спину, повернулся.

– «Никон» – говенная фирма, и все ее фотоаппараты – отстой, – безапелляционно повторил он. – Ими только невест на ладошке снимать для заказчиков-дегенератов. Идемте, мужики. Я умываю руки!

– Постой, постой, – оживленно сказал Карамышев. – А что же тогда лучше «Никона» по твоему мнению, как там тебя?

– Меня зовут Александр. Александр Тонов. – голосом Джеймса Бонда представился молодой человек. Потом благосклонно добавил. – Можно просто Шуриком звать. Я из простых пацанов, не из породистых. Что по вопросу... Да лучше «Никона» может быть все что угодно из «пятерки».

– Да ладно! Что, «Пентакс» с «Олимпусом»? «Кенон», у которого объективов кот наплакал? «Сони»!? Эти криворукие уроды, которые не могут...

– Эти криворукие уроды из «Сони» делают для твоего «Никона» матрицы. А линейка объективов у них нааамного круче никоновской. И по технологиям ушли на два круга вперед. Выбрось эту гадость вообще, фу! Она давно протухла! До сих пор поди делают стаб в объективе?

– Ты хоть знаешь, сколько «Никон» лет выпускает свою технику? А «Сони» – от горшка два вершка!

– Хха, знаток. «Сони» купила с потрохами «Минолту».

А «Минолта» еще раньше – «Конику», так что их технологии круче. Пошли, пошли, мужики, что с этим... никонианцем возиться. Дело-то не в его мастерстве, дело в его кривой камере. Шеф, а купи ему «Сони» полноформатку, а? Пусть хоть раз почувствует в руках настоящий аппарат, а не эту недомыльницу.

– Ты! Сам! Иди! Со своей «Сони»! – сдавленно крикнул фотокор, после чего взял паузу, его просто трясло от возмущения. – «Никон»! Лучше! Сука!

– Надеюсь, его удар не хватит, – тихо проговорил Витя Плашкин.

Кулик, взоржав, аки конь, протянул ладонь Тонову. Тот хлопнул по ней.

– Молодец. Жду с документами на оформление!

4. Заметка

Оформление новенького заняло недолгое время. Шурик был при документах, Кольберг, которая попутно являлась и олицетворением отдела кадров в небольшом газетном коллективе, тут же зачислила его в ряды доблестных сотрудников редакции. Сначала хотела взять стажером, но Кулик по телефону четко указал, что все нужные испытания человек уже прошел. Потому пусть числится полноправным корреспондентом.

– Тонов? – с удивлением переспросила Кольберг, услышав фамилию новичка.

– Вот так вот просто, – отвечал Шурик, вновь повторив любимую присказку. – Я из простых, не из породистых...

– И это хорошо, – согласилась с ним Кольберг. – Лет пять назад у нас работали я и мой муж, а еще пишущий редактор Вирхольм и журналистка Эрикссон.

– А что такого?

– Да ничего, просто, когда на День Победы Кольберги, Эрикссон и Вирхольм выходили на демонстрацию, неся плакат «Слава нашим воинам!» это выглядело двусмысленно... А потом еще и Плашкина водили в своем ряду Кольбергов, как военнопленного. Как смеялись наши конкуренты!

– А кто наш конкурент? – живо спросил Шурик.

– «Вестник событий», будь он не ладен, – ответил вместо

Кольберг Плашкин. – Кулик сказал выделить тебе отдельный рабочий кабинет.

– А у нас только... четвертый свободен, – тихо сказала Кольберг. Они с Плашкиным долго смотрели друг на друга. Потом Кольберг выдохнула.

– С другой стороны, не вечно же ему пустовать.

– А что там такого, в четвертом кабинете? – спросил Шурик, заметивший некоторое смущение в поведении своих новых коллег.

– Там раньше Вирхольм работал, – ответил ему Плашкин. – Слышал про такого? Ну раньше известное дело было.

– Неа, я вообще за городскими событиями особо не следил, – ответил Шурик.

– Его там, в четвертом кабинете какой-то сумасшедший из обреза застрелил. В период весеннего обострения. Вы не боитесь такой истории рабочего места?

– Соболезную, – сказал на всякий случай Шурик. – Что до боязни, так нет ее. Если там уже все отмыли и труп убрали, то все в порядке, готов приступить.

Кольберг печально вздохнула, мол, какая нынче циничная молодежь пошла, после чего протянула ключ от кабинета Шурику.

– Держи, обживайся пока. Ленточки там сняли, все отмыли на сто раз. Пока в помещении только телефон. Мебель и компьютер мы тебе чуть попозже поставим.

Александр Тонов, новый сотрудник редакции «Городской жизни» с интересом осмотрел новый кабинет. Тут не было совершенно ничего лишнего. Только глухое пластиковое окно. А! Еще – старинный красный телефон с дисковым набором на подоконнике. Его Кирилл заметил, когда тот внезапно встрепенулся и зазвенел.

– Вау, да я уже востребован! – обрадовался новичок, поднимая трубку.

– Але, бя! Это газета? – хозяйски нагло спросила трубка хриплым мужским голосом.

– Это газета! – радостно ответил Тонов, изготавившись выслушать какую-нибудь интересную житейскую историю. Или жалобу. Но вместо историй и жалоб, трубка гневно завизжала:

– Какого хрена вы не освещаете преступления Сталина, суки?! Это потому что у вас там Кольберги сидят и прочие масоны! Ты! Бегом к редактору, пусть ставит статью про...

– Пошел на хуй, – просто ответил Тонов. Трубка на миг поперхнулась. – Чтоооо?! Да я...!

– Головка от хуя! Что, дебил, глухота заманала, гандон тупой? – грозно спросил в ответ Тонов. – Хочешь, чтобы я тебе обеспечил незабываемую ночь волшебных пиздюлей? Так давай адресок, прикачу после работы! А, сыкуешь, так вали на хуй! Как? Спроси меня, как?

– Как? – ошеломленно крикнула трубка.

– Суешь трубку Сталина себе в зад, возжигаешь «Герце-

говину флор», и херачишь, дымя, на хуй, пароходиком прямо по курсу!

В этот момент в кабинет вошел Плашкин.

– Прямо, никуда не сворачивая! – уже тише добавил по телефону Шурик, заметив начальство.

– Ого, уже кто-то беспокоит? – удивился редактор.

– Читатель звонит, – пояснил взволнованным шепотом Тонов, прикрыв динамик ладонью. – Спрашивает, как пройти на проспект Ленина. Говорю, что с остановки ТЭЦ идти прямо.

– Ты... как ты... ведь вы же газета, почему вы материтесь? – внезапно сбавила обороты трубка, перейдя на более спокойный тон с плаксивыми нотками. – Я на вас буду жаловаться начальству! Дайте мне редактора! Редактора!

Последнее слово неизвестный уже выкрикивал, вновь переходя на визг. Так, что его услышал даже Плашкин.

– Редактора? – прошипел, возмущенный настырностью читателя Шурик. Плашкин взял у него трубку, не дав ничего пояснить за жизнь звонившему, и радостно заворковал:

– Здравствуйте, я редактор газеты. Я слышал ваш разговор и могу сказать, что все так и есть – идите прямой дорогой на... Але? Алее! Трубку бросили. Ни спасибо, ни до свидания.

– Грубоватый какой-то мужичок, – согласился со вздохом Тонов.

Плашкин махнул рукой, мол, да и черт с ним. Он осмотрел

помещение, словно впервые его видел. Спросил:

– Обжился? Привидений не видал? Хха. Хороший был мужик Вирхольм, жаль его. Так глупо помереть...

– Так он из-за простого сумасшедшего помер? – спросил Шурик, глядя в окно. – Я-то думал журналистов мафиози там разные стреляют, когда они их делишки на свет выставляют. Ну или власти по тому же поводу. А так помирать действительно скучно.

Плашкин тоже перевел взгляд в окно, скрестив руки на груди.

– К счастью, быть убитым из-за острых расследований в нашей редакции сейчас нереально. Вирхольм еще писал, а мы уже не пишем.

– Бойтесь?

– Как бы тебе пояснить... – замылся Плашкин. – Вообще, жанр расследовательской журналистики является вершиной мастерства в нашей профессии. Он очень трудоемок, сопряжен с рисками, в первую очередь – риском судебных преследований. Что до безопасности расследователя – так Вирхольма убил сумасшедший, а не обозленные его расследованиями люди. И сам он под конец разочаровался в своих детективных работах.

– Почему? Это же так круто – выводить на чистую воду всяких чинуш!

– Да потому что всем плевать, – печально сказал Плашкин. – Бьется Вирхольм за правду, вытаскивает факты, ку-

ет аргументы, открывает преступные схемы и коррупционные связи, весь его труд в несколько месяцев кристаллизуется в отменную статью. Она публикуется, не смотря на протесты Кулика... и молчание. Ее прочитали люди, прочитали прокуроры, прочитали сами герои расследования. Затем завернули в газету рыбу и забыли.

Оба некоторое время молчали, задумчиво глядя в окно. Потом Плашкин прервал тишину, вернувшись к делу:

– Поскольку ты еще не имеешь опыта, начнем с малой формы. Это короткая информашка или заметка. Набьешь руку на заметках, дальше пойдем. Ага?

– Так точно.

– Дело простое. Знаешь, такая игра для интеллектуалов есть, «Что? Где? Когда?» называется. А мы ответим наоборот, на вопросы «Когда», «Где» и «Что случилось». Добьем же вопросами «Каким образом это произошло», а также «И что нам с этого будет»? Вот вся схема.

Тонов смотрел на редактора совершенно непонимающими глазами. Плашкин перешел к практическому занятию.

– Простой пример. Произошло какое-то событие, о котором ты коротко сообщает публике. Возьми любое.

– Тебя вчера со стенки снял.

– Допустим. Итак, когда это было?

– Вчера. 23 мая. Утром.

– Где?

– На стене дома по улице Ленина, 3.

– Вот тебе и начало информашки. Когда и где? Вчера утром 23 мая на стене дома по улице Ленина, 3 – что произошло? Промышленный альпинист спас редактора от падения с третьего этажа. Каким образом это случилось? Замечтавшийся редактор поскользнулся на крыше, куда залез сфотографировать утренние виды города. В последний момент он ухватился за висящий кабель и держался за него до тех пор, пока случайным образом на него не наткнулся работавший там промышленный альпинист.

Тонов ухмыльнулся, ухватив смысл примера, продолжил уже сам.

– Что дальше было? Благодарный редактор устроил промышленного альпиниста на работу в свою редакцию. Все?

– Все. «Что с этого будет»: Планируется, что, освоив профессию журналиста, промышленный альпинист станет первоклассным корреспондентом, который не раз еще нас порадует отличными статьями и репортажами.

– И чего сложного! – радостно прокомментировал Шурик.

– Но ведь начинают именно с простого. Давай, потренируйся: приготовь мне парочку своих информашек. Пока можешь даже просто выдумать.

– А эта, ну которую мы сейчас с тобой вместе придумали, она не годится?

– Ммм... нет. Кулик сразу вlepит «ЧЗХ» при верстке. Он газеты уже в сверстанном виде всегда проверяет. Когда та набрана на компьютере и готова пойти в печать.

– А почему «ЧЗХ»?

– Так у него сложилось издавна. Пишет «ЧЗХ» – текст можно выбрасывать. Пишет «ХМ» – надо переделывать. Пишет «ОК» – ставим.

– Почему же «ЧЗХ», если моя заметка правдивая? Все ж по делу, все было, все правда.

Плашкин на миг задумался. Затем согласно кивнул.

– Тоже верно. Но, может, он поставит «КНТП». Редко такое ставит, но ставит.

– А что это?

– Расшифровывается, как «Кому Нужна Твоя Правда?» В том смысле, что некоторые вещи, может, и правильные, технически подходящие, не пойдут для печати в газете.

– Почему?

– Потому что собственник газеты не хочет заниматься бессмысленным правдорубством и наживать в городе врагов. Он не Вирхольм.

– А зачем вообще газета, если не писать правду?

Плашкин вздохнул, не найдя что сказать. Или просто не посчитал нужным отвечать на столь наивный вопрос.

В дверь без стука заглянул Кулик.

– Плашкин, давай ко мне на ковер, – кивнул он. – Подумаем, как ответ писать Роскомнадзору.

– Вот, кстати, собственник, его и спрашивай, почему «КНТП», – облегченно указал на Кулика Плашкин, намереваясь ретироваться, раз представился удобный случай. Узнав

причину интереса, Кулик только рассмеялся.

– Так ты сам мне и ответь – кому нужна твоя правда? А?

– Людям, – просто сказал Шурик. Кулик шумно вздохнул.

– Всегда и везде правда была полезна одной части людей, и не полезна другой. Мы – полезное издание для всех наших читателей. Мы даем им информацию о жизни города, где проходит ярмарка, где дешевле продукты, где лучше лечат и куда сходить с детьми в выходные. Большого нам не нужно.

– А вот если коррупция и...

– Большого нам не нужно, – повторил с нажимом и медленно Кулик. – Ты хочешь назвать вора воров и взяточника взяточником? А кто тебе давал на это право? Ты следователь, судья или прокурор? Вот пусть они этим и занимаются.

– Ну вот Иваныч к примеру, Белибок, вот он точно вор, я по роже вижу, я же на него работал! – оживился Тонов.

– А когда он тебя на суд притащит, судья спросит доказательства, что он вор – ты его рожу в качестве улики покажешь? Или свои смутные подозрения? Ты думаешь, я не хочу правдорубством заниматься, потому что боюсь кого-то? Нет, потому что это абсолютно бессмысленное дело. Тем более, перед кем мне геройствовать, перед этими... людьми? Ты их вообще видел, какие они сюда приходят? За правдой что ли? Да они прибегают, чтобы первыми свою позицию изложить, прежде чем другая сторона прибежит их хаять. А мне не нужна правда ни тех, ни этих. Я тридцать лет в газете работаю, и скажу прямо – идут сюда с жалобами только

отменные уроды. Попадаютоя нормальные люди, но в основном лживые уроды. Вон, Плашкин, расскажи хоть про вчерашнюю старушку.

Плашкин, который уже наострился исчезнуть, застуканный на полпути к выходу просьбой собственника газеты, с неудовольствием поморщился.

– Это было вообще что-то. Пришла бабулечка такая. К ней на той неделе дети привезли внуков малолетних поводитья. Троих. Она их оставила одних в частном доме, а сама к соседке ушла и там заболталась. Внуки спички достали и дом подожгли. Дети же. И выскочить никак – она дверь заперла, а окна не раскрываются. Когда прикатили пожарные, уже бесчувственных вытащили из огня. Угарный газ, он такой...

– Я знаю, какой он, верная смерть, если дозу хватил, – кивнул Шурик Тонов. – Служил военным пожарным. Так чего бабуля в газету приходила?

– Не могли бы вы, говорит, написать, какие пожарные уроды, детей не откачали? Я, говорит, с этой статьей в суд пойду и с них мильен отсужу...

Опять зазвенел телефон. Все трое переглянулись, Кулик, как старший, взял трубку.

– Алло!

– Але! Я уже с вашим журналистом говорил! И с вашим редактором говорил! Все меня посылают! Дайте мне, кто там у вас самый-самый главный!

– Я самый главный, – признался нехотя Кулик.

– Тыыы? – взвыла трубка. – Слышь, главный! Беги быстро, ставь статью про кровавого...

– На хуй пошел, – резко ответил Кулик и бросил трубку. Потом махнул Плашкину. – Погнали писать Роскомнадзору.

5. Третье «О»

– Наши три золотые «О» – Оперативность, Ответственность и... – Инна Рейнгольдовна взглядом опытной учительницы сверкнула из-под очков глазами в направлении новичка.

– ...онанизм! – в тон ей продолжил Шурик Тонов. Карамышев поперхнулся смехом. Плашкин посинел, сдерживаясь – все же он был представительным лицом и ржать над пошлыми шутками новичков ему было не комильфо.

– Почему – онанизм? – удивилась Кольберг. Новичок только пожал плечами:

– Черт его знает, я думал, мы в слова на «О» играем.

– Остричь надо в текстах, а не вслух! – нахмурилась Кольберг. – Вот что у вас, молодой человек, с названиями материалов? Их просто нет!

– А кто бы мне показал, как их правильно делать? Мне дали ваши примеры, так у меня с них несварение желудка началось: «Почет старикам», «Стали первыми»... Бррр, я такое в советские годы в последний раз читал, сидя на горшке.

– Да просто в трех словах расскажи, о чем твой текст, вот и заголовок готов, – подсказал Плашкин. – Путный заголовок прочитаешь и саму статью можно не читать, и так все ясно. Кто сделал и что. Полиция поймала грабителя, губернатор получил взятку, таксисты объявили забастовку...

– А вот эти пресс-релизы, которые вы мне дали на обработку в информашки? – продолжил новичок, тут же выудив из папки, что держал все время в руках, несколько листочков факса. На них значились гербы уважаемых ведомств, типа ГИБДД, полиции и администрации города.

– Что не так? – спросила Кольберг, прищурившись сквозь очки в старании разглядеть показываемые бумаги.

– Это вообще люди писали или специально выдрессированные кинологами служебные киборги? – Тонов набрал воздуха в легкие, а затем скороговоркой прочитал с листа. – «В целях актуализации реализации пропаганды популяризации агитации организации безопасности от дорожно-транспортных происшествий на дорогах муниципального образования сотрудники автоинспекции муниципального образования произвели организацию операции с последующей реализацией операции в целях выявления водителей, управляющих автотранспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения и прочего опьянения». Ффух... Я из этого понял только, что у них все это на почве опьянения. И тут я им завидую, раз могут прямо на работе. Но зачем же хвастаться, рассылая об этом факсы?

Плашкин обреченно развел руками.

– Привыкай к чиновничьему языку. Он немного похож на русский, это сбивает с толку. Чиновники очень часто хотят показаться умнее, чем есть. А явное несоответствие желания с наличием указанного свойства приводит к подобным

произведениям. Учись переводить на русский.

– Да тут без водки не разобраться, а столько пить мне здоровья не хватит!

– Существует легкий способ: попробуй для начала сам переводить с русского на чиновничий. А там и обратно переводить получится. Вот тут сказано было по-русски, что ГИБДД провели операцию по поимке пьяных водителей. Вот и все. Хочешь, для тренинга переведи на чиновничий «Я зашел на кухню, открыл холодильник, нашел там котлету и съел». А?

Шурик на некоторое время задумался. Потом выдал перевод:

– В целях насыщения организма полезными веществами в виде употребления в пищу, мною при помощи штатных транспортных средств типа ноги были произведены шаги в количестве 24 (двадцати четырех) штук до устройства по хранению продуктов типа холодильной установки. У которой путем открывания была открыта дверца, по результатам первичного осмотра найдено мясное изделие типа «котлета», которая была усвоена в рамках исполнения постановления Губернатора, при помощи профильного управления администрации города в виде употребления в пищу путем поглощения через рот.

Кольберг удивленно хмыкнула, фотограф, засмеявшись, похлопал в ладоши, Плашкин растянулся в улыбке.

– Неплохо, неплохо. Но ты забыл самое важное: добавить,

что все это делается в рамках исполнения постановления Правительства, в духе выполнения майских указов Президента России Владимира Путина. Без этого они и в туалет не ходят.

– Ладно, третье-то «О» у нас что означает? – вернул народ к началу разговора Тонов.

– Оптимизм, – с готовностью ответила Кольберг.

– А, этого то добра у меня хоть отбавляй, – заносчиво сообщил Шурик, тут же вытерев рот рукавом.

– Оптимизма да. Вам бы еще культуры.

– Да и культуры – хоть жопой жри, – жизнерадостно ответил новичок.

На пороге общего кабинета, где проходила планерка, появился Кулик. Собственник издания имел помятый вид, хмурое выражение лица. Из всего этого затрапезного вида выбивался только смокинг, идеально отглаженный, чистый, с иголочки. В руках хозяин газеты держал блюдечко с кусочком торта. Он молча прошел в кабинет, протянул торт Кольберг.

– На, девушка, скушай сладость.

«Девушка», которая была едва ли лет на двадцать его старше, дар отвергла.

– Спасибо, но я сладкое не люблю!

– Ешь без любви, – упорствовал Кулик. Он уткнулся взглядом в Тонova.

– Вот ты, мил человек, хотел правды? Там у Плашкина к кабинету пришла мадам, хочет правды. Иди к ней и получи дозу. Диктофон не забудь.

– Да я так все запомню, – отмахнулся было Тонов. Но Кулик покачал головой, издав звук раненной утки. Раньше никто и не слышал из присутствующих, какие звуки издает эта птица при ранениях средней тяжести, но едва его издал собственник газеты, как всем стало понятно: именно так и никак иначе.

– Диктофон нужен не для памяти. Диктофон нужен для суда. Всегда имей в виду, что когда ты пишешь о чем-то, до тебя могут докопаться и подать в суд. А твои источники, на которые ты опираешься, могут сказать: «он все выдумывает, я этого не говорил».

– А как же О – оптимизм? Вдруг да не подадут в суд.

– А есть другое О – опыт, – сразу парировал собственник. – Закон подлости превыше не только законов юридических, но и законов физики. Было уже подобное и не раз. В общем, дерзай, молодой. Сделай тетеньке приятное.

Жалобщица пришла вместе с мужем. Тот сидел чуть в сторонке, притулившись к стенке и более походил на грустную побитую собачонку, нежели на человека. Жалостливую внешность неплохо подчеркивал сочный синяк под левым глазом.

У тетеньки была довольно потасканная внешность. А как

она заговорила, выяснилось, что и голос у нее весьма прокуренный.

– Значится, мужа моего начальник вапше не полюбил.

Во Вселенной Тонова начальство в принципе существовало не для любви чужих мужей, а чтобы давать работу и платить за нее деньги. Впрочем, визит как-то был связан с тем синяком, что красовался у мужа просительницы.

Шурик демонстративно включил диктофон и кивнул, мол, продолжайте, дамочка. Дамочку слегка смутил диктофон, как в принципе женский пол смущают всякие странные электронные штучки незнакомого вида – вроде и мобильник, и в то же время не мобильник. Уж не детектор ли лжи? Но спрашивать на счет техники она не стала. Все-таки она пришла в газету в роли просительницы, дабы получить защиту и общественную поддержку в деле порицания начальства мужа, а не права качать по поводу диктофонов. Дама продолжила:

– Он и раньше приходил слегка побитым. Чего случилось, спрашиваю? Молчит. Либо отбрехивается, мол, на работе упал, или неудачно что-то на себя уронил. А вот вчера пришел – как видите, красавец с подбитым глазом и без зарплаты! Где зарплата, спрашиваю, а директор отобрал! А еще своих шестерок натравил, те и побили. Представляете? Человек месяц пашет, высунув язык, а потом директору что-то не нравится, и он отнимает... а у нас кредиты! Нам еще как-

то жить надо! И коммуналка сама себя не оплатит!

– Ага, – сказал Тонов. Просто чтобы что-то сказать.

– Вот вы напишите про этого уродо-директора! Пусть весь город узнает о том, как он поступает со своими работниками!

– Ну хорошо, напишу, – согласился Тонов. – А за что он бил? И за что деньги отобрал?

– Да ни за что! – пискнул из своего угла побитый мужичок. – Он меня давно невзлюбил. А тут с порога, видать, в плохом настроении. Я, главное, к нему с подарочком, с улыбочкой. А тут сразу его горилла, Семенов меня колотить полез. Ну разве так делается?

– Ужас, – сказал сочувственно Тонов. В его заглавнике была целая куча историй про различные взаимоотношения с работодателями, многие из них, по мнению Шурика, только и жили обманом простого расчестного рабочего люда. Потому он сразу встал на сторону жертв беспредела директора, уже раздумывая над заголовком покрасивее. Типа: "Грабеж вместо зарплаты" или "Директор-бандит отбирает деньги у работников".

– Как, кстати, зовут этого директора?

– Согрин, директор «Бурвода», – подсказал мужичок. Тонов замер на миг.

– Согрин устроил беспредел? Хм... Ладно, погодите, я сейчас в туалет схожу и продолжим беседу.

Тонов вышел, но направился не в туалет, а сразу в кабинет

к собственнику, который в это время кормил рыбок, напевая какую-то английскую песенку.

– Трудности?

– Сомнения. Жалуется тетка на беспредел со стороны одного директора. А я этого директора знаю, он из породы правильных, хоть плачь. Врёт? Посылать её?

– А то! – захохотал Кулик, продолжая кормить рыбок. – Ты думаешь, отчего я тебе их подсунул? А оттого, чтобы ты поскорее от своих иллюзий избавился и стал понимать, что такое хомо сапиенс в газетной сфере. Самое главное, я с них за версту гнильцо учуял. И дело даже не в личной гигиене...

Кулик постучал по стеклу аквариума, отчего рыбки насторожились, с интересом повернувшись к источнику звука. Собственник газеты продолжил:

– Давным-давно одна американская информационная служба развила принципы работы журналиста, которыми уважающие себя издания используют до сих пор. Причем, сами разработчики их уже не используют, но если ты хочешь быть уважаемым и слыть честным, жить в ладах с совестью, ну ладно, если хочешь хотя бы не проводить все рабочие дни в судах, то ихними принципами будешь пользоваться. Основной из них – давать высказаться всем сторонам конфликта. Это когда не только тетку выслушал, какой директор злобный, но и к самому директору скатался и спросил его – а чего он такой злобный. Потом выставяешь две их

версии рядышком в тексте, а уж читатель пусть сам думает, кто в этой истории прав, кто виноват.

– Ну.

– Ну-ну. Бери эту сладкую парочку, садись в такси и гони к Согрину. Пусть при них все расскажет, как и что. Ну про диктофон, думаю, излишне напоминать, да? Цып-цып-цып, мои лапки!

Последнее Кулик говорил уже в адрес рыбок.

6. Вторая сторона

Когда Тонов известил жалобщиков, что придется проехать к господину Согрину на очную ставку, избитый мужик начал активно отказываться, мол, ему хватило синяка на один глаз, и где гарантия, что Согрин ему для симметрии и второй глаз не подкрасит. А вот тетечка сразу была обеими руками «За», поскольку хотела сама лично взглянуть на того нахального типа, что отобрал зарплату у мужа и набил морду.

Они отправились в путь на такси, как оказалось, журналистов возила по служебным делам местная транспортная компания «Ветерок» бартером за рекламу в газете. Вскоре они уже выходили у ворот предприятия Согрина. Путь преграждал двухметровый забор с колючей проволокой, а в его проеме стоял хмурый охранник метров двух ростом. Сначала он увидел Тонова, оскалился, узнав. Затем увидел следующего за ним пострадавшего работника и опять нахмурился.

– Здорово, Петрович, – приветствовал его Тонов. – Начальство у себя?

– Ну тебя-то он поди примет, – сообщил охранник. – А это чудо ты зачем с собой привел?

– Он со мной, – ответил Тонов, даже не оборачиваясь. – Будь другом, сообщи Согрину, мол, журналист город-

ской газеты господин Тонов хочет попасть к нему на прием. Не собля... соблагово... бля... волит ли...

– Да понял, понял, не матерись! – усмехнулся охранник и набрал шефа.

– Шеф, тут у нас Тонов Шурик прикатил. Весь из себя модный, говорит, журналист. Ну и с ним...

– Журналист? – захохотала трубка. – Тонов теперь журналист? Далеко пошел, я думал, этого прохвоста уже давно посадили!

– Вот такой я непоседливый, – сказал Тонов с укоризной. Мол, я же не один, можно было и придержать язык перед посторонними.

– Блин, я хочу это видеть!

– Только он не один... – опять попытался предупредить охранник, но Согрин уже отрубил связь, крикнув «Впускай!».

И вот три посетителя оказались в просторном богатом кабинете, обитом кожей и деревом, а напротив них сидел Согрин, что едва увидев пострадавших, вмиг превратился в сурового холодного начальника.

– Ну и какого ты их сюда притащил с собой? – спросил Согрин Тонова. – Журналист, блин!

– Надо дело одно прояснить! – сообщил Шурик, обернувшись на своих жалобщиков, что заметно пожухли под начальственным оком. Даже боевая тетка, решившая ранее в глаза поглядеть директору в итоге сникла и утратила былой

запал. Похоже, увиденное в этих глазах ее сильно попустило.

– Значит, избили вот этого... тракториста и деньги отняли.

– Так? А кто избил? – с усмешкой спросил Согрин. – Я, что ли, замарался?

– Семенов, – тихо сказал побитый в пол, явно трепеща перед директором.

Директор взял мобильник, включил громкую связь.

– Захар, что вы с трактористом не поделили?

– С этим пидаром? Так я же пояснял!

– А ты для прессы повтори. Я на громкой связи. Тут у меня в гостях журналист местной газеты. Шурик Тонов. Знаешь такого?

– Журналист? Тонов – журналист? А я тогда почему еще не балерина? – искренне удивился Семенов. – Его еще не посадили? Или он опять с утра решил стать честным?

– Ты давай-давай, рассказывай по делу! – подогнал ближе к теме Тонов. – Что у вас за мания меня в тюрьму сватать.

Судя по усмешке Согрина, их мания была вполне оправдана. Но Семенов все же сразу принялся рассказывать о конфликте с трактористом.

Шурик включил диктофон.

– Дело такое: иду мимо трактора, там этот полупокер со счастливой мордой колесо на восемнадцать достает. При чем, не какую-то лабуду – «Хаккапелитту», слышь, последней модели! Откуда, спрашиваю, такие шикарности? А тот

с гордостью, слышь, с гордость – говорит – «Добыл!» «Добыл», слышь! И как подвиг выкладывает: мол, ехал он на своем бурбуляторе по шоссе и тут на отнорке по Северной, ну где еще почти никто не ездит, видит: авария. Две тачки столкнулись лоб в лоб. Всмятку, наглушняк вообще, прикинь! Выпрыгивает он из трактора и давай с одной из разбитых машин запаску сдергивать. Так и привез, добытчик драный. Я, говорит, без палева, там, слышь, в салоне кто-то дергался, да меня не заметил, окошки то побиты и кровью залиты! И смеется радостно!

– И что дальше? – спросил Тонов.

– А что дальше могло быть? Пиздили мы этого пидара всей сменой, но я начал первым, тут скромничать не буду. Потом я взял колесо, вытащил бабло у этой гниды на проезд, погнал на место ДТП, возвращать.

Семенов тяжело вздохнул в трубке.

– Вот такие дела, господин журналист, прости Господи... Вот так и напиши.

– Так и напишу, – пообещал Тонов, покосившись на тетку. – Мы же за правду, да? Вот и напишем всю правду.

– Не надо такой правды! – просипела тетка, пораженно взиравшая на своего мужа. – Ккому такая правда нужна? Нет, не пишите!

– Чо им, жалко это колесо, думал, они все равно убитые! – завыл внезапно тракторист с фингалом. – А чо деньги отняли? Деньги мои верните, я их заработал!

На него с отвращением глянули и Согрин, и Тонов, и даже родная жена. На шум из коридора выскочил охранник, застыл на входе, вопросительно глядя на шефа. Директор, скривившись, вытащил из столешницы трудовую книжку, видать, заранее припасенную, и пачку денег. Швырнул все это в лицо тракториста.

– На тебе, гандон. А теперь вали отсюда. Петрович, проводи... этого.

7. Митинг – это весело

– Репортаж! – радостно воскликнул Тонов, входя без стука в кабинет фотокорреспондента Карамышева. Хозяин помещения в этот момент стоял спиной к входящему перед открытым окном и что-то усиленно выцеливал через длиннофокусный объектив на стоянке у офисного здания, где располагалась редакция. Карамышев вздрогнул, словно ребенок, застигнутый за шалостью, тихонько отошел от окна, опуская фотоаппарат. Повернулся к гостю. Выдохнул с облегчением.

– Репортаж? Да какой это репортаж, так... фотозарисовка...

– Я говорю: нас с тобой Плашкин отряжает осветить репортаж в сквере Бубякина! Там собираются сторонники строительства церкви из местного вуза. Ты фотаешь, я пишу!

– Будда вас приберит, – скривился Карамышев. – Что ни год – одно и то же. Скукота!

– Скукота? – удивился Шурик. – Отчего скукота? Чего тут сидеть, киснуть, когда можно погуляться, с народом пообщаться, что-то новое увидеть и снять?

– «Что-то новое» – повторил фотокор, чуть скривившись. – Да я тебе на годы вперед могу расписать всю повестку изо дня в день. Кто тут пишет, чтобы было интересно? Все

пишут, чтобы было – потому что газетные полосы нужно заполнять какими-нибудь буквами, по возможности, слегка связанные смыслом. А вот смысл неважен.

Не спеша собираясь в путь, фотокор продолжал свою речь. Тонов внимательно слушал, наблюдая за его манипуляциями, и время от времени поглядывая на календарь, что закрывал часть монитора рабочего компьютера Карамышева.

– Каждый новый год мы выставляем кучу никому не нужных поздравлений, затем журналисты пишут материалы к 23 Февраля про какого-нибудь мужественного мужика, 8 Марта приходит черед историй про женственную бабу, потом у нас что-то про войну будет, затем все лето садоводческие темы, осенью расскажем про случайного учителя к Дню учителя, и далее по святцам. Какой праздник предвидится, про то и пишут. Куда там креативу!

Карамышев замолк, хлопнув по фотосумке. Тем самым давая понять собеседнику, что готов к выезду на репортаж.

– Ну? – не понял Тонов. – А митинг протеста тебе чем помешал? Он тоже в календарях расписан?

– Да они уже третий год протестуют. Один бизнесмен хочет там построить торговый центр, другая личность, приближенная к святым отцам, хочет отбабахать храм. Вот в сквере они и собирают митинги поочередно. Я уже разов пять их освещал. Толку-то.

– И нафига нам они тогда? – задумчиво спросил воздух перед собою Тонов. Вместо воздуха ответил фотокор:

– Ты чем меня слушал, выюнош? Говорю – в городе новостей не особо, пишут по святцам-календарикам! Оттого любая движуха, даже такая тягомотная, как эти митинги – уже что-то! Но чисто внешне это унылое зрелище. Я бы даже сказал, душераздирающее: то одни "активысты" соберутся и покричат за церковь, то другие соберутся и дежурно покричат за торговый центр. Ску-ко-та...

– Да ладно, – пожал плечами Тонов. – Давай сгоняем, может, в этот раз все будет как-то не как обычно!

К месту акции они прикатили заранее: там еще не собралось большого количества людей, только несколько зевак, да у памятника знаменитого в узких кругах академика Бубякина кучковалась группа организаторов, где командовала толстенная рыжеволосая девица. Она раздавала указания громким уверенным голосом, перемежая речь забористым матом.

Репортажная группа разделилась: Карамышев направился в сторону сцены, а Тонов к этой девице, на ходу готовя к бою диктофон, с которым уже не расставался после истории с трактористом.

– Газета «Городская жизнь», корреспондент Александр Тонов! – радостно заголосил репортажник, подскакивая со спины к рыжей толстушке. Та аж охнула от неожиданности, как совсем недавно это сделал Карамышев. Потом обернулась и некоторое время с недоверием смотрела на возму-

тителя спокойствия исподлобья.

– Тонов? – наконец спросила. – Тебя еще не посадили?

– Бровкина? – солнечно заулыбался Тонов. – А ты тут какими судьбами? Почему не на занятиях?

– Все тебе расскажи. Может, отпросилась! – отвечала Бровкина. – Чего хотел-то?

Тонов, опомнившись, сразу поднес работающий диктофон поближе к накрашенным губам Бровкиной и спросил.

– Представьтесь, пожалуйста, и расскажите, чего вы добищаетесь этой акцией?

Бровкина надула и без того пухлые щеки, и вместо ответа спросила сама.

– Ты чего привязался, Тонов? Вали на фиг!

– Я журналист... тьфу, журналист! – не смутился реакции Тонов. – Ты же организатор, да? Так и ответь, чо тут происходит у вас?

– Митинг у нас, – процедила Бровкина. – За возведение на этом месте церкви святой блаженной Ксении Петербургской.

– Зачем тебе церковь Ксении Петербургской, Бровкина? – усмехнулся Тонов с недоверием. – И твоим подопечным зачем? Они же студенты, а не члены духовного хора!

– Студентам нашего вуза, который стоит неподалеку от данного сквера, негде молиться и это большая проблема нашего учебного заведения, – заученно заявила Бровкина. – Учащиеся постоянно жалуются на отсутствие церк-

ви. Поэтому мы требуем от городских властей выделить эту землю в сквере под ее строительство! И вообще, тут у нас не только студенты, но и группа поддержки наших ветеранов...

Бровкина покрутила головой в поисках группы поддержки, увидела рядом какого-то мужичка пожилого возраста с седоватой бородкой и совершенно мутным взглядом. Указала на него:

– Вот, к примеру, Магомед Иванович, наш давний сторонник. Магомед Иванович?

Когда взоры Тонова и Бровкиной обратились в сторону Магомеда Ивановича, тот слегка растерялся, затем все же выдал:

– Дааа! Тыбы... кровавые преступления Сталина требуют покаяния! Церковь нужно тут поставить... и на месте здания ФСБ... и там, где полицейские сидят! Эээ... Кровавые преступления Сталина...

– Спасибо! – прервала выступление деда Бровкина. – Большое спасибо за развернутый ответ! Ну что, Тонов, еще что-то узнать хотел?

– Да нет, собственно, – ответил Тонов, слегка прищурившись в сторону Магомеда Ивановича, голос которого ему показался знакомым. Именно тот звонил ему в редакцию и грубо требовал статей о преступлениях Сталина. Несомненно. Вряд ли в небольшом городе отыскалось бы сразу два подобных неадекватов с одинаковой манией.

Как бы между прочим, совершенно по-свойски Тонов внезапно спросил:

– А сколько стоит участие в митинге?

– Пенсы за пятьсот, студенты за зачет, – на автомате ответила Бровкина. И тут же ойкнула, поняв, что именно сказала. – Ты только это не пиши и я тебе ничего не говорила!

Оба посмотрели на диктофон в руках Тонова. Рука Бровкиной уже потянулась к нему. Вот только аппаратура мгновенно исчезла в кармане брюк журналиста.

– Я тебе ничего не говорила! – повторила со злостью Бровкина. – Только посмей это где-то опубликовать! Вы, журналисты, любите жаренные факты, сенсации вам подавай! Нет тут никаких сенсаций! А чего плохого напишешь – по судам затаскаю! Ты меня знаешь, где залезешь, там и вокзал!

– Успокойтесь, мадмуазель, все будет хорошо! – ответил с прохладцей Тонов. – И в страшном сне не привиделось на тебя залезать.

– Ну смотри! – пробурчала Бровкина. Она догадывалась, что в чем-то Тонов решил ее подколоть, но в чем именно – не поняла. – Все, бывай, у меня дела!

– Бываю, – кратко ответил Тонов, отходя. Навстречу ему уже шел Карамышев с откровенно скучающим лицом.

– Ску-ко-та, – повторил он то, что явственно выражало все его лицо. – Поговорил хоть с этой организаторшей?

– Поговорил, – ответил Тонов. – Тем более мы с ней знакомы. Она там в вузе что-то вроде организаторши всей движу-

хи по городу. Студентов отражает на разные митинги и прочие сабантуйчики за зачеты и пятерки.

Карамышев тут же направил на рыжую организаторшу свой фотоаппарат и нащелкал целую серию снимков.

– Фактурная фемина. Настоящая валькирия, – оценил Бровкину фотокор. – Ей бы скинуть еще жирок, так я бы с удовольствием посвятил ей эротический фотосет. Сейчас в моде бодипозитив. А тут не бодипозитив, тут бодипозитивище!

Тонов покачал головой.

– Еще та сучка. Из-за нее меня в свое время выперли из вуза.

Он некоторое время еще смотрел задумчиво на собирающихся людей и внезапно ему в голову пришла замечательная идея.

– Слушай! – спросил он Карамышева. – Ты же не против, если мы сделаем это скучное мероприятие слегка веселее?

– Я всеми лапками «за»! – ответил фотокор. – Знать бы способ.

– Щас все устрою! – ответил Тонов, решительно направившись к Магомеду Ивановичу.

Он встал рядом с престарелым активистом и устремил свой взор в сторону налаживаемой трибуны, где планировалось выступление кого-то из авторитетных протестующих. В постепенно собирающейся толпе говорили, будет сам Колокольцев, бизнесмен, который имел связи с церковниками

и добивался строительства религиозного объекта. Хотя, может, он просто своего зама пришлет. Митинг не первый, достаточно проходной, кому охота вообще лишний раз ради него вылезать из джакузи...

– Физкультпривет, папаша, – тихо сказал Тонов, ткнув локтем Магомеда Ивановича. Тот обернулся и посмотрел на него своим фирменным мутным взглядом, что держали в себе всю боль и муку от сталинских преступлений, и не единой искры адекватности.

– КГБ не дремлет, я прибыл из комитета Свободы предупредить об этом, – заговорщицки прошептал Тонов.

– Чеоо? – протянул Магомед Иванович, словно ему сообщили какую-то совершеннейшую глупость. С одной стороны так и было, с другой – Тонов говорил твердо и убежденно. Именно так он всегда общался с дурачками и эта тактика срабатывала в большинстве случаев.

Продолжая неторопливо отщелкивать кадры, Карамышев попутно наблюдал, как Тонов, взяв в оборот какого-то квеликого старичка, долго его в чем-то убеждал. Дедок сначала слушал с недоверием, но постепенно его мутные глаза стали загораться огоньком ярости. Причем, ярость была явно направлена в сторону трибуны, куда вышел выступать первый спикер.

Вскоре они расстались – корреспондент направился к фотокору, который ловил в объектив толкающего достаточно унылую речь спикера, а Магомед Иванович пошел к трибуне.

– Поговорили?

– Поговорили, – кивнул Тонов. – Сейчас должно быть что-то интересное, приготовь камеру!

– «...Но в митинг неожиданно вмешался ярый антисталинист и убежденный монархист Магомед Иванович Миллер. Во время выступления господина Колокольцева, он с криком «Бей ежовских прихвостней!» налетел на того, орудуя черенком от лопаты, что лежала рядом с местом событий, оставленная, видимо, каким-то нерадивым дворником. На помощь выступающему пытались прийти другие спикеры, но и они не смогли справиться с возмутителем спокойствия. А когда он крикнул в толпу, что собравшихся обманули, и за митинг организаторы не намерены платить, к погрому подключились еще несколько пенсионеров. Присутствующие здесь студенты принялись снимать все происходящее на камеры и в драку не вмешивались... Только прибывшая к месту происшествия усиленная группа блюстителей порядка сумела обуздать разбушевавшихся пенсионеров и высвободить из их рук порядком побитого организатора – Елену Бровкину...» – Плашкин поднял глаза с текста на Тонова, перевел взгляд на Карамышева, что просто завывал от восторга, разглядывая между делом фотографии с места побоища на своей камере.

– Какой ужас! – ахнула Кольберг.

– Какой ужас! – с восторгом повторил Тонов. – А вы еще

говорили, что митинги – это скучно! Кстати, еще в ближайшее время никаких митингов не предвидится? А то мне понравилось делать репортажи!

8. Смелый критик

Плашкин правил новый материал от своего корреспондента Тонова у себя в кабинете. При этом сам Тонов стоял перед ним, готовый внимать наставнику и учесть все его замечания. Где не так запятую поставил, где матерок вычеркнуть...

– А в целом, неплохо, – сказал по итогу проверки труда журналиста редактор. – Очень даже неплохо. Ты быстро учишься.

– Ну а то! – небрежно отвечал Тонов, – незаконченное высшее образование, как никак!

– Ты раньше нигде не писал?

– В стенгазете писал, в школьном лагере, – сразу ответил Тонов. – Но там скучно и без размаха. Тут тоже скучно, но с размахом.

– Скучно?

– Ну да! – отвечал Тонов и спросил с тоской в голосе. – Когда мы уже начнем щемить мэра города и выводить на чистую воду мусорную мафию?

– погоди-погоди, – приостановил его Плашкин, силясь понять логику заданных вопросов. – С чего нам мэра щемить и какая еще мусорная мафия?

– Всегда во всех городах есть мусорная мафия! – твердо

уверил редактора журналист. – Да и любого мэра есть за что щемить, иначе это и не мэр, а котенок Мяу.

– Да зачем, опять же? Тебе Кулик не пояснил?...
А вы к кому?

Последнее было обращено новому посетителю с дергающимся глазом и кипой бумаг в руках.

– к редактору, – заговорщицким тоном сообщил человек. Мужчина был средних лет, среднего же телосложения, с залысинами на маленькой голове, в неопрятной и потасканной спортивной одежде. Он четко шагнул к столу редактора и положил перед ним стопку мелко исписанных листов.

– Вот!

– Что это? – спросил Плашкин, кивая на принесенное.

– Я хочу, чтобы вы это опубликовали! – заявил посетитель. – Тут про мэра...

– Еще один щемитель... – вздохнул Плашкин. – Вам пора в партию объединяться и выжидать мэра в темном углу для воспитательной работы. К чему вам газета, этот ненадежный посредник?

– Там у меня все расписано четко! – не слушая возражений редактора, продолжил свои пояснения к тексту посетитель. – Читайте!

– Наш мэр пидарас и гнусный мерзавец... – начал читать Плашкин, потом сразу поднял глаза на посетителя. – И каким образом вы пришли к данному заключению?

– Это же и объяснять не надо, – ответил весомо посети-

тель. – Это ясно всем!

– Боюсь, мы не сможем подобное опубликовать, – вздохнул Плашкин, отодвигая бумаги от себя. Посетитель окинул его взглядом, полным презрения.

– Бойтесь, да? Трясетесь перед этим пидарасом! А вот я не боюсь и все четко про него высказался! Эх, вы!

Было в этом вздохе «эх вы» столько печали и горести за несчастных зашуганных журналюг, что проняло и Тонов, и редактора.

– Я лицо нанятое, – ответил ему Плашкин, стараясь смотреть в окошко, хотя было видно, что обвинения ему были неприятны, однако, будучи до мозга костей интеллигентом, он старался этого не показывать. – И я опасаясь не за какие-то «неприятности», а за то, что ваш текст просто вызовет повод мэра подать иск за оскорбление личности. Вот и все.

– Нелепая попытка отмазаться, – прокомментировал его довод посетитель. – Вы это не мне говорите, вы это говорите своей совести!

– И в самом деле, а почему бы и нет? – спросил Тонов. – Я вот за! Может, и Кулик будет за?

Плашкин еще раз тяжело вздохнул и очень вежливо попросил по телефону подойти к нему собственника газеты. Благо тот был в это время у себя в кабинете, распивая коньяк и просматривая в задумчивости какой-то кровожадный японский мультсериал.

– Здравсьте, – хмуро сказал Кулик, появляясь в проеме

двери. Был он с легкой небритостью, продолжая держать рюмку коньяка в руке. – Что здесь такого, с чем ты сам не справился, Плашкин?

– Очередной приступ КНТП, – махнул на гостя-правдору-ба редактор. – Я уже устали с такими разговаривать и выслушивать про нашу... несмелость в политической позиции.

– Ну-ка, – Кулик сгреб со стола бумаги, окинув текст профессиональным взглядом. Через несколько секунд изучения заржал: «Писькотряс! Гы...»

Гость даже порозовел, подмечая, что его разгромная статья нравится собственнику издания.

– «Мудозвон»! – процитировал еще одно новое слово из текста Кулик и опять заржал. – Какой богатый лексикон! Отчехвостил мэра по самое немогу! Ухаха! Вор, говорит, коррупционер и гомосексуалист! Круто! Смело! Прямо сейчас в номер!

Последнее Кулик заявил, шлепая бумагами о столешницу, так, что Плашкин даже отшатнулся от неожиданности.

– Значит, напечатаете? – обрадовался мужчина.

– Непременно! – с радостью заявил Кулик, тепло глядя на того. – Непременно опубликуем!

И когда гость, не переставая сыпать благодарностями, уже повернулся к выходу, словно позабыв о самом важном, собственник защелкал пальцами, а потом громогласно воскликнул:

– Ах, да! Совсем забыл об одной мелочи! Вы же смелый

человек, да?

– Как видите, я не побоялся написать про мэра все как есть, – с достоинством ответил посетитель. – Так что смелости у меня больше, чем у некоторых!

После чего он выразительно бросил взгляд на Плашкина.

– Вы смелый и богатый, а мы не такие уж и богатые. Мы все это напечатаем, мэр, скорее всего, подаст в суд на нас, – Кулик тяжело вздохнул. – Но вы же тут всю правду написали, да?

– Совершеннейшую правду! – уверил гость.

– И прекрасно! Но хотелось бы все же немного гарантий, – попросил Кулик. – Можете ли вы дать нам нотариальную расписку, что берете всю ответственность и расходы в случае иска на себя?

– Я? – удивился посетитель. – А... Э?

– Сколько там за клевету сейчас полагается? – спросил Плашкина собственник. – Пятьсот тысяч рублей? Или миллион?

– И общественные работы до шести месяцев, – добавил Плашкин. – И может быть больше, там обвинения в преступлениях сексуального характера, это отягчающие обстоятельства.

– Что? – не понял гости. – Это как получается?

– Ты же смелый? – вопросом на вопрос ответил Кулик. – Идешь к нотариусу и оформляешь все чин чинном – я гарантирую достоверность всех сведений, которые сооб-

шил в данном материале. А если я не смогу их подтвердить в суде, беру все расходы на юриста и на выплаты в случае проигрыша на себя. У тебя квартирка то есть?

– Есть, – отвечал слегка очумевший гость.

– Одна? А то если ее продать, чтобы все расходы оплатить, где жить придется, не на теплотрассе же. Но с другой стороны, завидую твоей смелости, даже восхищен! Ждем с нотариальным заверением, а как получим – немедленно ставим текст в печать. Договорились?

– Договорились, – упавшим голосом ответил гость. – Ну я пойду?

Едва он скрылся, Кулик сделал большой глоток из своей рюмки, отпил на половину и, скривившись, передал емкость Тонову. Видимо, просто подержать, пока он судорожно ищет, чем бы закусить. Однако Тонов без лишних просьб и вопросов допил рюмку и поставил рядом с собой на подоконник.

– Ну что, подождем, когда смотается до нотариуса? – спросил он. – Я видел, тут нотариальная контора рядом.

– Он больше не придет, – сказал ему Плашкин. – Это уже пятый или шестой, да?

– Шестой, – кивнул Кулик, закидывая в рот шоколадную конфетку. – Правдорубы хреновы, блин. Всегда готовы выступить и побздеть за чужой спиной, а ты, Кулик, отвечай потом за них рублем. Нетушки! Будьте храбрыми до конца!

Если и писать критику, то как Вирхольм писал: все четко, все по делу, каждая буква документально подтверждена, не прикопаешься! А эти... «Наш мэ́р мудо́звон – это все знают!» – охрененный уровень аргументации, блин.

– Так давай я буду за Вирхольма, – предложил Тонов. – Писать уже научился, теперь пора научиться интересно писать!

Кулик посмотрел на него, словно только увидел. Потом тяжело вздохнул.

– Ты не поверишь, Плашкин, но это наш лучший журналист на сейчас. У Карамышева вечные мозговые завихрения. А Красавина... вчера ее послали на интервью к Валяхову. Это мажорчик такой юный. Сын владельца огромной федеральной торговой сети. Папа вложил девяносто миллионов рублей, чтобы его чадо стало депутатом Госдумы. Чтобы через него проводить законы, интересные для своего бизнеса. Дал ему денег, выбил местечко в комитете, организовал команду специалистов, домой тот приезжает на шикарной тачке, даже я ее названия не знаю. В общем, оборудовал ребенку песочницу по первому классу. И что вы думаете наша Красавина на пресс-конференции у Валяхова-младшего спросила в первую очередь?

– Ну? – хором спросили Тонов и Плашкин.

– Спрашивает наша дива: «Какие свойства характера вам позволили добиться такого потрясающего успеха в политике?» – сказал Кулик. – Охрененная глубина вопроса, вели-

колепная проработка героя. «Человек в кадре», ептыть! Там ржали даже тараканы! Плашкин!

– Что?

– Она у нас сразу дурой была, или мы ее испортили?

– Нууу... – замялся Плашкин. – Она до сих пор думает, что Бонапарта называли Наполеоном, потому что он любил этот торт. Все время была в тени Вирхольма, что-то там писала, я даже не приглядывался особо к ее личности, делает свое дело и ладно.

– Так что там с расследованиями? – напомнил Тонов. – Давайте, я кого-нибудь все же расследую и выведу на чистую воду?

– А кто в это время текучкой будет заниматься? – поднял в удивлении бровь Кулик. – Карамышев, что ли? Он не может, у него «Никон» и его надо протирать. А у Красавиной куча начатых материалов недописана, еще текст с прессухи недопонят и таксист недотрахан. В общем, дело по горло! Ах, да, кстати! Ты же знаешь Согрина? Вот сконтачься с ним и договорись об интервью. Вроде должно быть интересно.

– С Согриным могло быть интересно, – согласился Тонов. – Вот только он говорит так, словно всю жизнь готовился к допросам в гестапо. И, завидев журналиста на горизонте, сразу понимает, что настало время показать, чего он достиг в своем умении. В общем, трудно будет его разговорить.

– А мы не ищем легких путей, – подбодрил его Кулик. – Ты еще ни разу интервью не делал? Для начала надо

к нему подготовиться. Собрать всю возможную инфу о человеке. В процессе знакомства с этой информацией у тебя наверняка появится множество вопросов.

9. Согрин и сайт

На улице лил плотным потоком дождь, Согрин сидел в своем кабинете, задумчиво глядя на белую чашечку кофе, что принесла секретарша. Временами сумрачно смотрел на журналиста, в роли которого выступал Тонов. И молчал.

– Итак, вы отучились в местной школе, после хождения в местный садик, потом устроились в местный вуз, отслужили в армии и пошли работать на химзавод, после чего организовали свою компанию и до сих пор в ней работаете. Так?

– Все так. Еще вопросы?

Так-то Тонов уже прочитал несколько материалов, где героем выступал Согрин, но ничего кроме скудных биографических данных оттуда не почерпнул. Он даже посмотрел интервью Познера с Кличко, чтобы иметь представление, как ведут беседу гранды журналистики, но и это сейчас не помогало. Не в пример Кличко, Согрин держался, словно партизан на допросе в гестапо.

– Как пришла идея начать свое дело?

– Не помню.

Согрин опять замолчал, лукаво поглядывая на журналиста. Явно наслаждаясь тем, что тот злится, не в си-

лах выудить у того ничего путного. Интервью – это слова, а их он выдавал с гулькин нос.

Наконец Тонов не выдержал.

– Я разве похож на фашиста? Чего вы как на допросе отвечаете?

– Потому что я привык отвечать за слова. Вот так наговоришь, может даже наобещаешь чего, потом придется выполнять.

– Страшно, что ли?

– Страшно, – внезапно признался Согрин. – Пока ничего не обещал, то и делать ничего не надо. а так... Зачем?

– А зачем вообще на интервью было соглашаться? – искренне удивился Тонов. – Ведь интервью – это же интервью! Тут говорить надо! Словами! Осмысленными!

– Ну да. Просто любопытно стало, какого хрена ты у нас в журналисты ушел, Тонов. Ты же нифига не журналист?

– Я быстро обучаюсь.

– Но это не такая уж и денежная профессия, Тонов. Ты наверняка опять что-то задумал? Что ты задумал?

Тонов подумал, слегка покачивая в руке полупустой чашкой кофе.

– Предлагаю баш-на-баш. Вы мне даете интересные и развернутые ответы на все вопросы, я говорю, чего я забыл в газете. Хорошо?

Согрин насмешливо посмотрел поверх своей чашки, которую лениво пригубил.

– Думаешь, твоя судьба в газете настолько интересна мне?

– Ну тогда перейдем к вашей судьбе, – гнул свое Тонов.

– Так задавай нормальные вопросы!

– Так на нормальные вы не ответите, – ухмыльнулся Тонов. – Потому лучше говорить о том, где родились-крестились. Далее перейти на то, как вы стали таким красивым, как сейчас и завершить счастливыми моментами надежд на будущее. Да?

– Не да, – нахмурился Согрин. – С чего это я не отвечу на вопросы, которые ты задашь по существу?

– Вот мне совершенно случайно выдали компьютер для работы журналиста Вирхольма. Уже покойного, к сожалению. Знали его?

– Знал. Хороший был журналист. Не чета нынешним. Уж он бы нашел что спросить.

Тонов подколку распознал, но даже не обиделся, только в глазах у него сверкнул странный огонек. Он кивнул и сказал:

– И я найду. Но найдете ли вы что ответить?

– Задавай.

– Правда, что мэр предложил вам возглавить местный парламент, поскольку вам будет легко получить голоса на ближайших выборах. А взамен он выдаст земельный участок в центре по бросовой цене? А? Правда, что главный уговор касается подконтрольности: вы проводите через парламент документы на утверждение, которые ему нужны,

он не трогает ваши дела?

Сказать, что Согрин удивился, ничего не сказать. Он едва не поперхнулся кофе, торопливо поставил чашку на стол и уставился на Тонова округлившимися глазами.

– Ничего себе, ты вопросы задаешь. Разумеется, ничего такого... я подтверждать не буду. Но где ты, блин, это вы-знал?

– В компьютере Вирхольма. Так что?

Согрин откинулся в кресле, посмотрел в потолок, затем неторопливо начал говорить:

– Родился я неподалеку отсюда, в деревне Курган, славящейся своим маслом и молоком. С детства пас коров, помогал пастуху. Там ходил в школу. У нас был отличный учитель, он и сказал, что мне стоит связать свою жизнь со строительной специальностью...

– Как звали учителя? – тут же спросил Тонов, сделав вид, будто совершенно позабыл про недавний вопрос о сделке Согрина с мэром.

Через пару часов Тонов уже заходил в редакцию. Степенно поздоровался с Плашкиным, который выговаривал в коридоре представителю местной типографии за последний некачественный выпуск. Помахал рукою в открытый кабинет Танечки Красавиной, беседующей с какой-то бабулей. Остановился у открытого кабинета фотокодера. В его помещении сейчас находилось сразу три человека. Сам фотокодер,

с грустными глазами стоял поодаль от компа. За компьютером сидел большой толстый парень в очках, время от времени пробегаясь по клавиатуре отработанными движениями пальцев. Явно – администратор или технарь. Рядом с ним на стуле сидел Кулик. Как всегда – в слегка потасканном виде, будто его недавно оторвали от какой-то разгульной пьянки в самый ее разгар.

– Ну как там Согрин? – спросил собственник издания, заметив корреспондента. Тот показал жестом знак «О, кей», самодовольно добавив:

– Заливался соловьем, только успевал спрашивать. Балаболка еще та!

– Согрин? Балаболка? – усмехнулся Кулик с недоверием. – Ну-ну.

И снова уставился в монитор с самодовольной физиономией. Что тут же подстегнуло любопытство корреспондента на вопрос:

– А что это вы тут делаете?

– Сайт, – гордо сообщил Кулик. – Вот, у нас тут специалист пришел, за отдельную плату будет делать сайт газеты. Решился я тут, наконец, следовать в ногу со временем!

– Так сайты уже – вчерашний день, – ответил просто Тонов, подходя поближе. – Все уже давно на них забили и делают каналы в соцсетях.

Толстяк с легкой осторожностью бросил на него взгляд, затем снова уткнулся в монитор, быстро что-то подправляя.

– Красивый? – спросил Кулик с гордостью Тонов, едва тот заглянул в монитор. – Сам дизайн выбирал!

Главная страничка сайта поражала ядовитыми красками и такой ядерной смесью бешенных шрифтов, что невольно начинали дергаться глаза. Причем, сразу оба и в разные стороны.

– Очень редкостная ххх... графика, – авторитетно заценил Тонов, подумав, стоит ли с места в карьер говорить очевидное. Толстый сайтоделец скрытый сарказм не уловил и самодовольно заулыбался.

– А то! – сказал Кулик. – Не зря на это двести тысяч рублей выделил!

– Чеее? – прищурился Тонов. – Двести тысяч рублей? Толстый, ты не зажрался ли?

– А что такого? – подал наконец голос упитанный компьютерщик, старательно не отворачиваясь от экрана. Голос у него оказался совсем молодой, тоненький, женский.

– А ничего, – хлопнул его спину по панибратски Тонов. – Сокол ты мой ясный, Феминист. Ты тут кому лажу лепишь? Я кота драл, где ты от мышей бегал. Содрал шаблон с Вордпресса совершенно халявный, загнал на халявный же Вордпресс, поставил на хостинг за пятьсот рублей, заплатил двести рублей за домен и с газеты двести тысяч? А может тебе пойти на хер?

Тут Тонов задумался, посмотрел на слегка спавшего с лица Кулика и спросил чуть менее агрессивным голосом.

– Прошу прощения, забыл уточнить. Мой последний вопрос идет в русле политики редакции?

– Пусть даже он создает новое русло нашей политики, – кивнул Кулик. – Я буду не против. Малец, ты тут нам не охренел?

– Ну вот пусть он вам и делает сайт, а я не намерен выносить оскорбления! – неожиданно резко взвизгнул пухлый компьютерщик, подскочил, стряхивая с себя руку Тонова и устремился к выходу. Хлопнул дверью.

– Чуваку обидно, – сочувственно прокомментировал Тонов. – Не прокатило!

– Да и даже отлично, что сайта не будет! – подал голос Карамышев.

– Почему?

– Потому что мы там будем все выставлять, а все будут оттуда наши фотки и статьи воровать! – уверенно ответил Карамышев.

– Да кто?

– Да хотя бы «Горожанин»! Наш проклятый конкурент! – откликнулся Карамышев. – У них же нет своего фотокора.

– Ой, – поморщился Кулик. – Но воровать они будут у нас? То есть, мы уже будем первыми? Пусть позорятся! Тем более, мы будем выкладывать уже значительно после того, как материал выйдет в газете.

– Я могу вам спеца по сайтам позвать, он за пару бутылок

и пять тысяч такой сайт забубенит – конкуренты плакать будут, – сказал Тонов. Кулик ему кивнул.

– Зови!

10. Выбора нет

В этот день Кулик как всегда кормил рыбок в аквариуме, пребывая в затрапезном виде после вчерашней пьянки. Напевая английскую песенку про желтую подводную лодку, что в его невнятном изложении превращалась в «Еловый суп Марин», он аккуратно шелушил пальцами сушеных рачков, коих уже ждали в нетерпении обитатели аквариума.

Именно в этот момент в редакцию вошел редкий гость. Кулик поднял взгляд на звук шагов. Узнал, кивнул даже без тени радушия.

– Сам господин Согрин собственной персоной.

– А куда деваться, господин Кулик, – грустно вздохнул господин Согрин собственной персоной. – Тебе еще не звонили наши товарищи из КПСС?

– Ннет, – неуверенно ответил Кулик. – И Брежнев приходит только во снах, и то в кошмарах. Бывалоча, бежишь по темному коридору, а он позади, неотступный, как Терминатор. Тянет свои губищи взасос поцеловать. Ффу...

– КПСС переживал ребрендинг, но осталась по сути КПССом, – хмуро пояснил Согрин. – Я про «Единую Россию».

– Брр, – среагировал Кулик. – А ведь день так прекрасно начинался... Ну пошли побеседуем о делах наших скорбных. Они уселись в кабинете. Кулик занял кожаное кресло

главного редактора, через стол от него уселся на венский стул с гнутыми ножками Согрин. По-хозяйски положил сумку на свободный стул, рядом – кепку.

– Указание просто, как автомат Калашникова – будем меня продвигать в городскую Думу от их имени.

– А тебе оно надо?

– Оно мне совершенно не надо. Но, оказывается, у меня в городе имеется репутация. Партия имеет задачу поиметь как можно больше голосов и мест на грядущих выборах. Просто так они это сомневаются сделать. Не любит их народ, знать бы, отчего, хха. А вот если назначить самых уважаемых людей города своими представителями, глядишь, они и приведут их к полной и безоговорочной победе. Вот.

– А отказаться не?

– У меня бизнес, который кормит кучу работяг и их семей, – поднял на Кулика стальные глаза Согрин. – Так что от таких предложений трудно отказаться.

– Ладно, выкладку ты обозначил, – кивнул Кулик. – Я в этой системе каким боком?

– Газетным боком, – пояснил Согрин. – У тебя имеется газета, которая будет помогать мне продвигать меня. Тоже не мое решение.

– Ох ее.

– Согласен. К счастью, законы о выборах не позволяют всю газету превращать в одну суровую агитку, посему хватит и по одной статейке в номер про меня хорошего.

Согрин встал, подошел к окну, заглянул через занавеску на раскинувшийся городской пейзаж.

– Твой парнишка неплохо так вынудил меня рассказать о себе. Думаю, он и с политическим заказом справится. Ты его, кстати, давно знаешь?

– Я его до сих пор не знаю, – ответил Кулик, слегка усмехнувшись. Он жестом предложил Согрину чаю, тот отказался. Тогда Кулик налил только себе.

– Ну ты и руководитель, – фыркнул с насмешкой Согрин. – Наруководишь еще тут!

– Да мне уже как-то газета приелась, – отвечал с равнодушием Кулик. – Мне печень уже жалко. И душу. Что за страна такая, какое дело ни решается, все через бухло! Не могу уже, поеду в Тайланд какой-нибудь. Там тепло, красиво и океан.

– Если ты хочешь свою долю в газете мне продать, то я не куплю, – выудил из речи Кулика рациональное зерно Согрин, сразу же сделав свой вывод. Что собственник устал, хочет продать газету и отправиться на покой. – Так что там этот парнишка?

– Ну работает себе, звезд с неба не хватает, не Вирхольм, конечно, но что-то же пишет.

– Ты к нему приглядишься, – посоветовал Согрин. – Парнишка не простой. Хитрющий, зараза, изворотливый. Он со своим братишкой в свое время такие дела проворачивал, мама не горюй. Полторака до истерики доводил. А тот полубандит, я даже не представляю, как можно его довести

до истерики и при этом не схлопотать пулю.

– Вот к тебе его и приставлю, – сразу нашелся Кулик. – Будет про тебя писать. Твой персональный пресс-секретарь на все время выборов!

– А давай! – обрадовался внезапно Согрин. Добавил с надеждой. – Может, хоть проиграю.

11. Визит хакера

В дверь редакции постучались, что было само по себе необычным. Поскольку вход с надписью «Открыто» в принципе не предполагал требовать с каждого посетителя разрешения. Все равно что стучаться в дверь супермаркета в рабочее время. Но Карамышев, случившийся рядом, хоть удивился, все же открыл. Посмотрел направо, налево – никого. Потом догадался глянуть вниз и увидел там устремленные на него красивые и немного злые девичьи глазки. Ну а потом и саму их владелицу – миниатюрную девицу в опрятной но потасканой футболке цвета хаки, коротких штанишках и с объемной сумкой через плечо.

– Доброго чего-то там, почтенный туземец, – заявила гостья звонким голосом. – А где тут редакция находится?

– Тут, – ответил Карамышев, махнув вглубь редакции. Он по-джентельменски отшагнул, пропуская девицу внутрь. Та сделала несколько шагов, с интересом посмотрела на аквариум с рыбками. Недовольно фыркнула.

– Какие у вас рыбки недокормленные и пугливые. Это потому что у вас коридор в унылых цветах. И пол потертый – грязь и несет к ним в воду.

Карамышев с неприязнью воззрился на девушку. Аквариум он любил, рыбок холил и лелеял, они стояли на втором месте в его душе после фототехники. Да, жена была на пя-

том – ведь Карамышев еще любил пиво и компьютерные онлайн игры типа в танки. Потому, задетый за живое, холодно ответил:

– Собственно, если вы вообще тут всем недовольны, может, вам сразу на дверь указать?

Гостья задумчиво посмотрела на дверь. Потом добавила к своему заявлению.

– И дверь тоже унылая и немодная.

– Девушка, вы ебанутая? – в упор спросил Карамышев. Попутно он пытался высмотреть дверь в кабинет Плашкина, чтобы слить визитершу начальству. Когда редактор был на месте и не занят, он слегка приоткрывал ее, чтобы все знали об этом. То есть, чтобы все знали обратное – когда дверь была закрыта, Плашкин либо отсутствовал, либо был занят и ломиться к нему не следовало.

Распахнулась дверь в кабинет Тонова, тот выскочил, распахнув руки.

– Конечно, она ебанутая! – радостно заявил Тонов. – Она же умудрилась слить три биткоина по штуке баксов, когда еще эта тема была на подъеме! Знакомься: Александра Валиева, она же Фродо! Прозвище такое, не думай, что француженка. Пойдем, мой юный полурослик, я тебя с начальством познакомлю...

Он панибратски и без всяких экивоков подскочил к девушке, крепко обнял, схватил подмышку и потащил в сторону кабинета Кулика. Девушка что-то пищала, но особо не со-

противлялась. Видимо, они действительно были старые знакомые.

– А вот и наш новый сайтист, которого я обещал найти! – представил с порога гостью Тонов. – Александра Валиева, хакер и все такое, собственной персоной! Сделает круто, возьмет недорого, мастер своего дела, но болеет этим...

Тонов защелкал пальцами, вспоминая умное слово.

– Главное, чтобы не заразным, – сразу успокоил его Кулик. Он только что простился с Согриным и сидел с очень задумчивым видом, попивая кофе с коньяком. Впрочем, скорее – коньяк с кофе, который был добавлен лишь чуть, для подкраски алкоголя в рюмке.

– Перфекционизмом! – наконец выговорил непослушное слово Тонов. – Короче говоря, она все делает круто и очень круто, но при этом старается сделать не просто круто, а совершенно и в итоге ее надо силком оттащить от проекта. Но это мы проследим в процессе.

– А у вас левая щека непробрита, – внезапно высказала Саня после внимательного изучения лица собственника газеты. – И глаз дергается.

Впрочем, глаз у него стал дергаться уже после первой фразы девушки. На второй он попытался что-то сказать с наполненным коньяком ртом, поперхнулся, выпучив глаза, извинился, начал вытираться салфеткой. Тонов и Вадиева переглянулись.

– Какой-то он странный, – громким шепотом сказала Ва-

лиева Тонову.

– Все творческие личности в той или иной степени странные, – авторитетно сказал ей Тонов. – Даже я иногда чувствую, что временами становлюсь странноватым. И даже иногда тянет стихи писать. Ты любишь стихи?

– Если ты опять хочешь затянуть меня в кроватку, то не получится!

– Ты так говоришь, будто секс – это что-то плохое, – искренне удивился Тонов. – Взять хотя бы секс со мной, что вещь не то что неплохая, а вовсе очень и очень хорошая, учитывая мою ласку и нежность. Ведь я не просто завалю тебя в кровать, но с помощью богатого арсенала любовных утех смогу доставить на седьмое небо счастья, доставлю такое удовольствие, которое ты не забудешь никогда, и вообще...

– Тихо, тихо, еще меня уговоришь, – икнул Кулик, возвращая визитеров в конструктивное русло. – Сайт сможет сделать, который я хочу?

– Я смогу больше, – важно ответила Александра, – я могу сделать такой сайт, который хочет большая аудитория!

– Погоди, погоди, – мягко возразил Кулик. – Деньги плачу я, заказываю музыку я, значит, сайт должен быть таким, как хочу я. Или нет?

– Или нет, дяденька, – уверенно ответила Александра, шмыгнув носом. – Вы же для чего сайт делаете? Чтобы оно тихо лежало и не воняло, или чтобы оно работало, зарабаты-

вало и все такое?

– Эээ.

– Хорошая буква алфавита, – оценила его выбор Александра. – Но больше люблю букву «Я». Я вам сделаю конфетку. Но конфетку будут есть читатели, пользователи Интернета, а не вы. Так давайте ее сделаем такой, какой нравится народу. Ага?

Кулик посмотрел на нее, потом на Тонова, потом снова на юную хакершу. В итоге дал добро.

12. Предвыборные страсти

Согрин принимал Тонова, сидя на лавочке в курилке рядом со зданием, где размещалась администрация его компании. Расположился он там по-простецки, вместе с группой своих работяг, о чем-то переговаривались. Затем к ним подошел Тонов, поздоровался со всеми, присел. Народ переглянулся, бригадир громко сообщил, что обеденное время закончилось и пора валить по станкам. Потому рабочие разошлись. Гость отказался от предложенной сигареты и со странным выражением посмотрел на Согрина.

– Чего? – поднял бровь Согрин.

– Вот и мне хотелось бы знать, – поддакнул Тонов. – Какого хрена именно я должен пиарить такую великую фигуру современности? Денег совсем мало, на нормального политтехнолога не хватает? Или просто тратиться жалко?

– А тебя не жалко потому что, – ответил, улыбнувшись лишь губами Согрин. – Когда ты у нас на базе монетками латунными барыжил, я еще тогда заметил в тебе отменный цинизм, хватку и стремление к авантюрам. Вот и будешь проводить эту авантюру.

Согрин некоторое время смотрел на огонек сигареты. Вздохнул тяжело и добавил:

– Там против меня таких уродов моральных двинули, что я очень боюсь – окунут они меня в помой от души. Все

вспомнят: и что было, и что не было... Для этой цели должен быть рядом человек с похожим складом ума, что и у их политехнологов.

– Спасибо!

– Пожалуйста. Работаешь в команде, с тобой будут Бровкина и Кульбериев.

– Тьфу!

– Чего не так?

– Кульбериев же пидар?

– Гомосексуалист. Но вступать в сексуальные отношения с членами предвыборного штаба я не считаю обязательным. Можешь с ним не спать. И с Бровкиной тоже.

– А Бровкина лучше бы была пидаром...

– Нет у меня для вас других пиарастов, товарищ Тонов, – ответил с легким грузинским акцентом Сталина Согрин. – Этих мне купили и назначили товарищи из партии.

Тонов смотрел себе под ноги, задумавшись. Впрочем, это не длилось долго:

– Тогда вам придется исповедаться передо мной. Все свои грешки рассказать, за которые они могут зацепиться, подняв какие-то материалы.

Согрин недоуменно повел плечом.

– Какие у меня могут быть грешки? Я же все четко изложил в интервью. В девяностые не бандитствовал, в наперстки не гонял, просто работал, работал и работал.

– Прямо личность святее Папы Римского и Кулика, – не по-

верил Тонов. – Вообще, надо было Кулика на выборы выдвигать. Чист и свеж перед законом, особенно по утрам... Что, я что-то не так говорю?

Согрин действительно скорчил мину, будто Тонов ему сообщил совершеннейшую глупость.

– Вот Кулика ты зря упомянул, – усмехнулся Согрин.

– Нет уж, договаривайте! – настоял Тонов. – Ведь могут и через Кулика начать песочить, поскольку пиар идет через его газету. Я не хочу, чтобы что-то могло выскочить неожиданно посреди кампании.

– Злые языки поговаривают, что это он и организовал убийство Вирхольма. – нехотя ответил Согрин.

– Ого, – только и ответил Тонов, чтобы лишь ответить. Он что-то чиркнул себе в блокнот и затем поднял взгляд с написанного на Согрина вновь.

– Ну вроде как при Вирхольме в газете было полно острых материалов, а Кулик был против остроты. Он всегда боялся судов и ответственности. Вот и подговорил чувака со справкой из психушки грохнуть своего коллегу.

– Стоп, стоп, – выдохнул Тонов. – А просто уволить было не судьба?

– Уволить? – Согрин лукаво посмотрел на Тонova. – Каким образом? Я тебе может сообщу новость, но на самом деле у газеты было четыре собственника. Треть принадлежала Вирхольму, треть – Кулику, еще треть – моя. Ну и у Плашкина там немножко есть в доле. Как Кулик мог уволить рав-

ноправного собственника?

– И кто же сейчас владеет долей Вирхольма?

– А еще не вступили в наследство, там же по закону полагается определенный срок. Не знаю точно, вроде у Вирхольма была сестра где-то в сибирских ебнях. Он про нее не сильно рассказывал. Пока ее известят, пока то да се... Да и вряд ли она будет соваться в дела газеты так, как ее брат.

– Ага, то есть, по идее, замочить Вирхольма мог не только Кулик, но и Согрин... – задумчиво произнес Тонов.

– О как ты дело поставил! – восхитился Согрин. – Не зря же я говорил про твои мозги, что они также устроены, как у их политтехнологов.

– Ну здесь все просто: если они начнут про это упоминать, сразу же подаем в суд за клевету.

– Да пока суд что-то решит, сколько воды убежит и выборы пройдут! – отмахнулся Согрин.

– Это не важно. Важно, что во всех газетах и агитках у нас будет фигурировать, что есть подозрение, что противоборствующие силы распространяют клевету.

– Мда, далеко пойдешь, быстро учишься, – похвалил выводы пиарщика будущий политик. – Не зря в журналисты устроился, а то бы так и воровал облепиху у Полторака. А тут намного веселее.

– Там веселее и забавнее. А тут как-то все грустно и кве-ло, – возразил Тонов. И как-то между делом спросил. – А кто в реальности убил Вирхольма?

Согрин пожал плечами.

– Честное слово, не могу даже предположить. Кулик, конечно, еще тот засранец, но вряд ли он вообще способен на такие крутые операции. Не будь я уверен в нем, я бы давно что-то предпринял. Ведь вдруг ему понравится подчищать собственников и следующим буду я?

– А, кстати! – внезапно вспомнил Тонов. – Дети у вас есть? Жена там, брат-сват, кто сможет наследовать долю в газете если что?

И тут Согрин враз помрачнел. Видимо, Тонов нащупал его больное место.

– С женой давно развелся. Сын... был сын. Умер. Передозировка наркотой.

– А, – кивнул Тонов без тени сочувствия. Согрин это заметил и произнес с намеком:

– Обычно после такой новости принято говорить «соболезную».

– Да, – ответил Тонов. – Обычно. Так значит, наследников нет... Плохо. Про наркоту буду иметь в виду, что там могут предъявить, если что.

Видимо, его странное нежелание соболезновать по случаю утраты близкого человека от наркотиков покорибила Согрина, потому что лишь холодно кивнул и сказал дерзать. Тем более что остальные политтехнологи уже ждут его в местном ресторанчике для обсуждения стратегии продвижения кандидата.

Пара за столиком модного и при этом недорогого ресторана «Пафос» не походила на влюбленных. Скорее – на оказавшихся в одной команде против желания людей, которым так или иначе приходилось взаимодействовать. Даже не взирая на личную взаимную неприязнь, что они даже не скрывали. На одном конце столика сидела, нервно попивая кофе из маленькой чашки пухлая девушка

– Дорогой! – окрикнул с облегчением мужчина подходящего к ним парня, который выглядел как официант. – Ну сколько вас ждать, я хочу сибаса!

Парень бросил на него равнодушный взгляд, потом посмотрел на девушку и кивнул.

– Согласен, я бы тоже от такой съебался, но сначала нужно оплатить заказ.

– Фига себе у вас обслуживание, – округлил на него глаза мужчина, парень присел рядом, достал блокнот, ручку и выжидательно посмотрел на обоих.

– Это не официант, если ты еще не понял, это тот самый Тонов, – холодно сообщила девица. Ее фамилия была Бровкина, она совсем недавно крупно огребла от кураторов за подставленное Тоновым действие на митинге, потому смотрела на прибывшего злобным взглядом. Тот в ответ лишь издевательски улыбнулся.

– Хорошо, по программе кандидата что скажу: будет ряд

встреч на всех округах, где он баллотируется. Народ мы организуем. Все это надо осветить в лучшем виде, – сразу начал мужчина по фамилии Кульбериев. – С газеты требуется хороший материал, текст и фото. Все это потом пойдет на листовки. Результаты исследований уже проведены, выявлены основные проблемы, волнующие избирателей.

– А чего Интернет не задействуем? – спросила Бровкина.

– Потому что в Интернете наших избирателей нет, – пояснил Кульбериев. – Пока что они еще не выросли до такого крутого шага как поднять жопу и дойти до ближайшего избирательного участка. На выборы ходят бабульки и дедки. Те самые, что смотрят Первый канал, «Россию», вздыхают под Малахова и верят «Голубому огоньку». Будем работать на них, это самая выигрышная стратегия. Рекламу на каналах я уже заказал, все будет.

– Еще потребуется провести ряд встреч с разными представителями заводов, детских учреждений, спортивных организаций. Чтобы создать картину поддержки кандидата в обществе, – вставила Бровкина.

– А чего вы такие нервные, господа? – внезапно спросил их Тонов, перестав писать. – Раз дело в шляпе, вроде ничто не намекает, что дело шляпа?

Бровкин переглянулась с Кульбериевым. Тот кивнул. Бровкина вздохнула тяжело и сказала:

– Видишь ли в чем дело, все шло отлично до того момента когда не оказалось, что независимого кандидата Брудских

ведет знаменитый политехнолог Мокрушин. Знаешь такого? Нет? Это легенда наших мест, он еще ни одного подопечного не завалил. Все чудесным образом побеждали.

– Да какое там чудо! – воскликнул Кульбериев. – Этот Ммокрушин... он же не знает ни морали, ни чувства меры! Он маму родную продаст чтобы победить! Понимаете? Для него это как вопрос жизни и смерти, он от этого кайф получает!

– Ну и отлично, – буркнул Тонов. – Тем красивее таких нагибать. Как говорится, наша схватка станет легендарной!

13. Мастер-класс по авторскому праву

Кабинет Тонова был заполнен рабочей тишиной, когда гудят компьютеры, клацает клавиатура, сопят и сосредоточенно вздыхают два человека: сам хозяин кабинета и его гостя, Фродо, она же Александра Валиева, она же компьютерная девочка, как ее назвал Карамышев. Фотограф все еще на всякий случай при виде девицы предлагал ей свалить и забыть про газету. Та лишь хмыкала, временами отмечая, что ему пора лечить зубы, менять обувь и стирать кепку, а то вся замусолена. Карамышев в принципе не предполагал, что кепку требуется стирать, поэтому гордо игнорировал все замечания.

Сейчас Валиева сидела за ноутбуком в уголке кабинета, где ей любезно предоставили стол и кресло. Тонов, наморщив лоб, набивал текст по предвыборной программе Согри-на. Так они сидели в рабочем молчании довольно долго, пока их не отвлекла целая делегация из Кольберг, Карамышева и Плашкина.

– Я же говорил! – торжественно заявил Карамышев, тряся в руке распечатку. Кольберг смотрела на Валиеву, как смотрит добрая бабушка на голодную внучку, а Плашкин жевал

губы, переводя взгляд с Топова на Валиеву.

– Чо? – коротко спросила Валиева.

– Вот чо! – положил ей на стол распечатку Карамышев. Это был скриншот стороннего сайта с кучей фотографий, обведенных ручкой и возмущенной надписью "Мои фотки!". Валиева глянула на бумагу, кивнула, тут же набрала что-то на ноутбуке. Стала читать первоисточник в цифре.

– Ага, понятно! – сказала всем присутствующим. – Фигня проблема. Решим. Юрист у вас есть? Или мне самой найти?

– Подожди, – остановил ее Тонов. – Такую бы скорость да в мирных целях. Чего случилось?

– Все началось с вашего этого решения осовременить редакцию и завести для газеты сайт! – сверкнула оптикой очков Кольберг. – В итоге что? Вы стали ставить наши статьи туда и в итоге их воруют кто ни попадя! Посмотрите, конкуренты взяли статью Топова, фотографии Карамышева и разместили у себя, даже не указав, откуда все взяли! Поэтому рекомендую немедленно закрыть этот ваш сайт и вернуться к обычному режиму работы!

– Фиии, – скривилась Валиева. – А вы знаете, что существует лазерная коррекция зрения? И вам тогда не придется таскать эту стеклотару на глазах?

– Обсуждать свое зрение я не намерена! – гордо ответила Кольберг.

– Хрен с ним, – развела руками Валиева. – Так вы что, увидели простую копирастию и всей командой устроили груп-

повой упадок в обморок? Вы как вообще Сталина пережили?

– Сталина? – начала мелко моргать Кольберг. – Вы намекаете, что я так стара?

По мнению Валиевой, Кольберг не совсем и пережила Сталина и теперь влачила жалкое зомбо-существование. Но эту версию сразу же перебил Тонов, ткнув ее под столом ботинком.

– Давайте к делу! – одернул их Плашкин. – Есть проблема. Ее надо решить. Статьи и фото с сайта газеты стали воровать, едва он был запущен! Я намерен обратиться к собственнику, чтобы закрыть ресурс!

– А если у вас в газете будет опечатка, вы закроете редакцию, а сами застрелитесь? – спросила с живым любопытством Валиева. – Вы так решаете все проблемы? Особенно легко решаемые?

Она еще немного поклацала в ноутбуке и удовлетворенно кивнула.

– У них тут какой-то интересный скрипт подключен. Он автоматом все с нашего сайта тащит на их сайт. Не приходя в сознание, как говорится. RSS, что ли, считывают? Хм... Не беда!

– Как это решить? – спросил Тонов.

– Никак пока, – просто ответила Валиева. – Это в принципе пока лучше не решать. Пусть себе потихоньку воруют. Когда наворуют более сотни фоточек нашего татарского фотографа с дергающимся глазом, мы подадим на них в суд.

По статье 1301 Гражданского кодекса за каждый факт воровства чужой фотки им полагается выплатить от десяти тысяч до пяти миллионов рублей. Наворуют побольше, побольше заплатят. Проблема?

– Ээээ, – сказал Плашкин, раздумывая. Карамышев замер, внезапно поставленный перед интересным фактом. Мысленно он уже подсчитал количество наворованного у него фотоконтента, умножил на десять тысяч и примерил получившуюся сумму под новый объектив фирмы Tokina, к которому давно уже приглядывался, да все сука цена кусалась.

– Все наши материалы изначально появляются у нас на сайте и все поисковые системы это регистрируют в первую очередь, – подняла указательный палец Валиева. – Не благодарите. Все остальное поисковики видят как вторичку позорную. Оно так и есть. Проблем нет, все свободны, не мешайте мне кодить.

– погоди, девочка! – мягко попросил Плашкин. – Но все же проблема есть! А вдруг Кулик не захочет судиться?

– Да, он вообще судов боится до жути, – поддакнула Кольберг.

– Ну давайте я ему все распишу, что это делается легко и просто, – развела руками Валиева. – Он сейчас у себя? Трезвый? Или опять наклюкался кофе?

– У себя. – вздохнул с печалью Карамышев, мысленно уже

примеривая новый объектив на камеру и тут внезапно поняв, что Кулик скорее всего зарубит идею судиться с нарушителями на корню.

– Признаться, впервые вижу настолько фееричных долбоудятлов, – фыркнула Валиева, еще раз глянув на сайт конкурентов. – Вот так по простецки тиснуть чужой контент без указания авторства и пруфов? Что за идиот у них работает.

– А тот самый, что до тебя тут пытался редакцию компьютеризировать, – отвечал за всех Тонов, вставая со своего места. – Айда к Кулику! Убедим, думаю!

Когда Тонов и Валиева зашли в кабинет собственника газеты, все разошлись по своим кабинетам – кроме Карамышева, переживавшего результаты разговора с нескрываемым интересом. Впрочем, едва он слышал вопли Кулика через дверь, его надежды угасли.

– Ни-за-что! Никакие суды! Вы что? Мы газета, а не юридическая контора! А вы знаете, какие у них там зубры сидят? Они же нас по миру пустят! У них такие подвязки, ребятушки...

– Если бы у них были вменяемые юристы, – разумно возразила Валиева, ковыряясь пальцем в зубах. – Те бы давно им объяснили, что так делать нельзя. Значит, у них нет хороших юристов. А если бы у них были крутые подвязки и большие деньги, им бы не пришлось воровать контент у конкурентов.

– Нет и все! – рубанул Кулик. – И вообще, я думаю, с сайтом надо завязывать, раз кроме суд никак иначе нельзя решить это дело. Мы просто дарим результат своего труда непонятым личностям, конкурентам! Если не получится решить проблему иным способом, мы свернем этот проект на корню!

– Можем решить это дело и без суда, – вздохнул Тонов, похлопав Валиеву по плечу. – Пошли, хакер!

– Да как ты решишь? – фыркнула Валиева. – Подождем, когда у дядьки кофе из мозга выветрится и еще раз постараемся убедить!

– Я вас слышу! – предупредил Кулик.

– Ага, – ответила Валиева. – Я ведь потому и говорю громко, чтобы все слышали. Так нам попозже прийти?

– Никаких судов! – уверенно повторил Кулик. – Это мое последнее слово! Я ненавижу суды, а значит их не будет!

– Зайчишка-трусишка! – сжала губы Александра. Кулик нахмурился, давая понять, что его терпение не безбрежно.

– Не боишься, что я тебя уволю?

– Не боюсь, – ответила Валиева. – Я тогда на вас в суд подам, а вы судов боитесь.

– Бррр, – издал Кулик. Потом протер уставшие глаза и посмотрел на визитеров уже с видом просителя, а не грозного начальника.

– Ррребятушки, этот ворюга – газета нашего любимого мэра. Понимаете? Если мы начнем с мэром воевать, нам

не поздоровится! Перестанут звать на пресс-конференции, давать любую информацию. А у нас и так постоянный информационный голод! Ферштейн? Там у них шаболда Спесивцева такая тетка, она любую ситуацию может повернуть в свою пользу. Не трогайте вы их – вонять не будут. Просьба такая. Ага?

– Проблему с воровством контента как-то реши, но воров как-то не трогай, – недовольно буркнула Валиева. – Мне тексты что, в пнг-файлы загонять? Вы с пихты михнулись?

– Ой, идем, идем уже, – потянул ее к выходу Тонов. – Тут все ясно. Вводная информация получена, пора действовать!

Они вышли прочь, едва не сбив Карамышева, направились к кабинету Тонова. Фотограф на правах приятеля журналиста поспешил за ними. Он походил на кота, почуявшего запах рыбы и преследующего ее источник. В данном случае он считал именно неприятную компьютерную девочку весьма полезной в плане истребования солидной кучи денег за сворованные фотки.

Валиев и Тонов о чем-то разгоряченно шептались и на фотокора особого внимания не обращали. Оба сели за ноутбук Александры, она стала набирать текст под злобное хихиканье сообщника.

– И все же, – кашлянув, привлек к себе внимание Карамышев. – А вот если суд скажет – фотки твои некрасивые и мне ничего за них не полагается?

– Авторские права распространяются на все произведе-

ния, независимо от их художественной ценности, – отгара- банила Валиева.

– Ну а то что у меня на снимках не было знака копирайта... значит я не против, чтобы их использовали?

– Ставить знак копирайта право, а не обязанность автора.

– Но они взяли в информационных целях, говорят, так можно...

– Тут ни имени, ни первоисточника. В информационных целях можно брать только для некоммерческого использования и с обязательным указанием имени автора и источника заимствования. А они написали только «Из открытых источников».

– Ну! Интернет же ваш – открытый источник...

– Нет такого понятия «открытый источник» для суда, – прищурилась Александра, продолжая стучать по клавиатуре. – Интернет не является местом свободного посещения и оттуда вот так просто брать все что ни попадя и ставить у себя нельзя! Если не хочешь получить иск. Так постановил Верховный суд.

– А вот...

Валиева остановила свою работу, повернула лицо к Карамышеву, сдувая прядь волос с глаз и проникновенно спросила:

– Дяденька фотоаппаратчик, почему я должна тебе разъяснять прописные истины, которые ты сам должен знать, как автор фотографий, от А до Я?

– Ну...

И тут Валиева завопила, словно рыбак, завидев поклевку, тыча пальцем в экран ноутбука:

– Вот, вот, вот! Они заглотели!

– Есть! – завопил в ответ Тонов, захлопав в ладоши. – Быстро удаляй! Сворачивай! Таааак... Готово!

– Поучи мамочку... – пропела Валиева, пуская свои пальчики порхать по клавиатуре с неистовой скоростью. – Ну вот и попались голубчики!

– Что там у вас стряслось? – полюбопытствовал фотокорреспондент. Тонов с Валиевой переглянулись и закатились диким хохотом, точно стая хищных гиен.

– погоди, – пообещал Тонов. – Немного терпения. Если все выгорит, сам все узнаешь.

Кулику позвонили на телефон редакции. В мире смартфонов обычный проводной телефон он держал по причине ностальгии, а не практики, однако именно на него время от времени и поступали самые важные звонки. Особенно – официальные.

Кулик поднял трубку и произнес название своей газеты.

– Кулик? – всхлипнула трубка. Он узнал голос Спесивцевой и пятой точкой, что вмиг похолодела от нехорошего предчувствия, понял – звонок как-то связан с недавним разговором и недоброй ухмылкой компьютерной девочки.

– Да, – хрипло ответил Кулик.

– Это Спесивцева беспокоит, Кулик. Ты сволочь! Если вам так жалко эти ваши... зачем так? Мы больше не будем их брать! Никогда! Меня из-за вас мэр только что так взгрел... так взгрел!

– Бррр, вообще не в курсе, о чем ты, – ответил Кулик. Потом, разыгрывая простачка, удивленно спросил. – Вы что, воровали у нас статьи?

Трубка проорала что-то совершенно нечленораздельное на тему страданий от злобного мэра и вины в этом Кулика. Потом связь оборвалась.

Дверь в кабинет Тонова, где сидели, ведя светскую беседу на тему тонкостей авторского права сам Тонов, Валиева и Карамышев, осторожно отворилась. На пороге стоял немного ошеломленный Кулик с бутылкой коньяка. Он молча осмотрел компанию и молвил:

– Господа... вы звери! Вы звери, господа... Это вам!

Он поставил на столик бутылку и исчез.

– Кулик расстается с родным коньяком... – констатировал произошедшее Карамышев. – Да какого хрена тут происходит вообще!?

– Они больше не будут воровать ничего у нас, – холодно объяснила Валиева. – Кирюшка, в смысле, Шурик накидал небольшой текст на тему кровавого изнасилования мэром лосей в местном зоопарке. Все это мы выставили на сайт нашей газеты, но так, чтобы читатель новость не видел, а вот

конкуренты, которые пользуются автоматизированной перекачкой контента с нашего сайта на свой видели и забирали себе. Ну и небольшой презент от меня, который блокирует админку их сайта пока они к хостеру не обратятся и не откатят его.

Карамышев хрюкнул от смеха, но сумел сдержаться.

– В общем, полчаса, пока мы тут с тобой болтали, – вставил Тонов, – На официальном сайте их газеты без ссылок на другие источники как собственная информация висела заметка о зверском изнасиловании мэром группы лосей по предварительному сговору. После чего, как предполагаю, уже группу лосей из членов этой редакции изнасиловал все тот же мэр без сговора и предварительных ласк. А может и без вазелина. Хотя не, он же не настолько зверь. Ну так им и надо. Не пора ли нам выпить коньячку?

14. Как писать рекламные статьи

– Куришь? Нет? И я не курю, – скороговоркой произнес Кульбериев, присаживаясь за столик кафе напротив Тонова. Едва разложив ноутбук и записную книжку, он приступил к делу. – Итак, уже через неделю мы проводим дебаты Согриня с кандидатом Брудских. Мокрушин, его пиарщик, наверняка нам подготовил различные гадости и подлости. Мы должны быть к ним готовы.

– Да чего там готовиться. Речь я написал, Согрину дал. Оттарабанит как надо – победа в его руках.

– Да ладно, – с сомнением прищурился Кульбериев. – Ооо, ты не знаешь этого Мокрушина! Он еще тот урод. Он наверняка уже копается в грязном белье нашего заказчика...

– Если он начнет гундеть с чернухой, мы его за клевету подцепим! – твердо заявил Тонов. И даже жестом схватил кого-то невидимого прямо промеж ног, потянув вниз. Наглядно показывая, как именно хочет схватить за клевету.

– А он сам не будет клеветничать. Начнет слухи распускать, искать разных свидетелей... И фиг ты до него доберешься. Скользкий! Вот ты знаешь, к примеру, какие он слухи про меня распускал?

Тонов помотал головой, поскольку даже не предполагал,

какими слухами можно обидеть гомосексуалиста. Кульбери-ев же процедил с ненавистью:

– Он всем растрезвонил, что я – гей! Я! У меня три жены было, три ребенка, и гей! И, что самое смешное, ведь народ верит!

Тонов немного пожевал губами, потом кивнул.

– Ну а что ты хочешь, такой у нас доверчивый народ. Мы-то будем что-то про Брудских придумывать?

– Да что там придумаешь. Он замдиректора на заводе стеклопластиков. Завод давно уже пробивается во власть, чтобы было кому продвигать их идеи по передаче им любимым земельного участка в районе, где он избирается. Давай лучше займемся позитивной стороной. Будем представлять все достоинства нашего кандидата.

Кульбериев сделал паузу, поскольку к ним подходила девушка-официантка с дежурной улыбкой, большой грудью и не менее отличным декольте. Судя по хищному взгляду сокомандника, что уперся в выпуклости официантки, он действительно не относился к категории геев.

Кульбериев даже сглотнул слюну, после чего поперхнулся, закашлялся.

– Так вот. Ты же журналист? Должен понимать принципы коммерческой статьи.

– Я начинающий журналист, – с достоинством поправил его Тонов. – Что там за правила коммерческой статьи?

– Обычную статью ты пишешь абы как. Затронет читате-

ля – хорошо. Не затронет – ну и хрен с ними. Коммерческая должна работать. Она должна продавать! Она должна заставить читателя поднять зад и совершить определенное действие – к примеру, купить то, что нам нужно или проголодовать, как в нашем случае, за того, кто нам нужен. О боже, какая у нее задница...

Последнее Кульбериев простонал, наблюдая, как официантка, взяв заказ на две чашечки кофе, грациозно удалялась, покачивая бедрами, обернутыми в тонкую ткань короткой юбки.

– Видать, у тебя теперь это психиатрическое, – подметил Тонов. – Как тебя обвинили в пидарстве, так теперь и пытаешься подчеркнуть симпатию к женскому полу.

– Хха! – скептически усмехнулся Кульбериев, но затем, задумавшись, кивнул. – А ты знаешь, возможно, оно так и есть, черт возьми!

Он побарабанил по столу пальцами, собрался с мыслями, продолжил:

– Итак, главное в коммерческом тексте – отобразить все выгоды рекламируемого. Чем он лучше других? Какую пользу получит человек, совершивший нужное нам действие – мнимую или реальную.

– Еще по газете проблема, – сказал Тонов. – У нас тираж в три раза ниже, чем возможности конкурента.

– Тираж – фигня. Если материал будет качественным, он выстрелит сильнее. Слышал про такую шутку – как ре-

дактор рекламодателя проучил? Тот стал жаловаться, что реклама мало приносит клиентов. Видать, газету никто не читает. Тогда редактор разместил рекламу, что дарит пару носков тому, кто позвонит по телефону рекламодателя и принесет на замену свои старые носки. Эдакий трейд-ин. И уже на следующий день рекламодателя заманили активные граждане, жаждущие халявы. Так что вопрос не в месте размещения, а в вирусности контента.

– Еще минус, что мы идем от правительственной партии.

– Это плюс, – коротко сказал Кульбериев. Заметив скептическую ухмылку Топова, добавил серьезно. – Я тебе правду говорю. Если в Сети ее не любят, то это не означает, что ее не любят люди, которые идут на выборы.

– Откуда ты это знаешь?

– Видишь ли, грамотная пиар-компания похожа на рекламную акцию. И ей также предшествует исследование. Типа маркетингового. Производится опрос, выявление и анализ целевой группы. Вы смотрим, что в первую очередь импонирует людям, которые идут голосовать. Какие их проблемы заботят. И уже после и на основе этого мы решаем, что и как делать.

– А в черную ты сам работать не хочешь?

– Я бы и рад отомстить Мокрушину, но Согрин запрещает. Говорит, пусть я проиграю, но проиграю честно.

– Чистоплюй, – фыркнул Топов.

– Так он первый раз выборы так и проиграл. Его не я вел,

одна Бровкина. Та еще пиарщица, если между нами. Помесь управдома с бульдогом. Сводила по разным предприятиям и спортзалам мордой поторговать и все. Потом не дебатах он начал мямлить и посыпался. В итоге с треском проиграл. Ведь у кандидата важна и харизма, и умение языком трепать. Он должен обещать и район превратить в Швейцарию, люди это любят, и быть готовым на голубом глазу заявить, что если его выберут, он прекратит войну в Йемене.

– Согрин точно не сможет... – вздохнул Тонов. Потом подумал, подумал и решил. – Ладно, попробую я свою команду подпрячь. Не выиграем, так развлечемся.

– Команду? – переспросил Кульбериев. Тонов только загадочно улыбнулся, но затем перевел взгляд на вход и его лицо стало каменным. В кафе зашла Бровкина.

– Ладно, господин Кульбериев, я займусь темами, что ты мне накидал, все напишу в срок. Карамышев фотосессию организует на тему Согрина, чей взгляд устремлен в будущее. Все пучком. Побежал!

– погоди, а ты не хочешь с ней еще потрындеть? – Кульбериев указал взглядом на Бровкину.

Тонов слегка поджал губы и спросил:

– А чему она может научить? Как проигрывать выборы? Мне это не надо. Я хочу выиграть выборы!

На самом деле он уже достаточно знал о Бровкине, чтобы сделать свои выводы о причинах ее проигрыша на прошлых выборах. И главная из них могла быть связана с тем, что де-

вицу скорее всего легко и просто купили конкуренты.

15. Дебаты

– Тишина в зале! Итак, мы начинаем дебаты. Первый кандидат выступил. Теперь слово дается кандидату Согрину.

Дворец культуры едва вмещал всех желающих придти посмотреть на политическую борьбу двух местных уважаемых людей, которые выдвигались в депутаты от их округа. В местности вообще было маловато с развлечениями, поэтому встреча привлекла много зрителей из числа пенсионеров и особо продвинутых личностей в плане политической борьбы с кровавым режимом, либо – за кровавый режим. В зависимости от того, на какие блоги в Ютубе они были подписаны и каких блогеров слушали.

Согрин был в непривычно чистом и выглаженном костюме с бабочкой («нафига!?» – прошипел Кульбериев, едва увидел своего подопечного в таком виде, но тот гордо сообщил, что именно так и никак иначе). Речь, которую пиарщик распечатал загодя на бумажке и передал кандидату, тот смял и положил на стол, украшенный красной тканью, так и не притронувшись более к шпаргалке. Прокашлявшись, Согрин хорошо поставленным голосом сообщил «дорогим друзьям», что если его выберут, обязуется отстаивать интересы своих избирателей на всех уровнях. Народ даже заскучал, поскольку ничего особо нового и занимательного Согрин не говорил. Проблемы были, их необходимо решать.

– У вас все? – спросил ведущий Согрина, когда тот прекратил короткую речь и с легким интересом воззрился на зал. – Тогда переходим к вопросам избирателей!

В крайних правых рядах сидели ребята из его команды, крайние левые занимали пиарщики главного соперника. Девушка с микрофоном поспешила к первому вопрошающему. Это оказался тощий паренек в очках с дрожащими руками.

– Здравствуйте, что вы думаете по поводу войны в Афганистане, политике США на Ближнем Востоке и на Украине?

– Эммм, милый мой, это дела далекие и к нам имеют самое малое отношение, – поморщился Согрин. – Я лично ничего про США не думаю. Я думаю, как выгодно заказ выполнить, зарплату выплатить, геммороя от налоговой не отхватить и прочие насущные проблемы.

– Это совершенно неправильно, я считаю! – подал голос его противник. – Мы находимся в одном мире и не можем абстрагироваться от проблем, даже если они происходят на другом краю света! Считаю, что президент Байден продолжает преступную политику своего предшественника в отношении народов Ближнего Востока и Афганистана. Уж не говоря про его поганые делишки на Украине. Мы обязаны помочь, должны сделать все, чтобы остановить...

Кандидат сделал паузу, приложившись к стакану с минералкой. Согрин только печально вздохнул. А по рядам собравшихся прошел негромкий гул одобрения.

– Как вы планируете увеличивать пенсии старикам? – за-

дала вопрос в лоб тетка в шали и шубе не смотря на то что за окном грел май.

Согрин тяжело вздохнул, посмотрев на вопрошающую, словно на круглую дурочку, которую притащили из психушки лечащие врачи для какого-то своего таинственного эксперимента.

– Вы понимаете, что в компетенцию депутатов города не входит вопрос установление пенсий пенсионерам? Конечно, они могут сделать определенные шаги, выдать звания, которые затем будут давать право увеличивать пенсию. Но все это к нашему федеральному правительству.

– Еще не стал депутатом, а уже начинает отмазываться! – недовольно буркнула тетка. Согрин ее проигнорировал.

– Конечно, конечно, я сделаю все возможное, чтобы пенсии только повышались! – живо заголосил соперник Согрина, привскочив со своего места. Временами он смотрел в зал, в сторону своего помощника по пиару, который удовлетворительно кивнул. – Вы все долго и ударно трудились на благо Родины, поэтому заслуживаете достойной пенсии. Я буду активно содействовать тому, чтобы все наши пенсионеры получали большие надбавки, а лучше – чтобы их пенсии были увеличены в два, а то и в три раза. Я поставлю этот вопрос перед президентом. Считаю, наша страна вполне справится с подобными затратами, что и не затраты даже, а благодарность вам за все, что вы сделали! Спасибо и от меня лично за ваш доблестный труд.

– Балаболка, – ревниво просопел Кульбериев.

– Мда, реалист наш сливает очки, – пришлось признать Тонову. – Но у меня такое предчувствие, а я вообще предчувствительный пацанчик, что наш противник еще нам что-то подгадал, какую-нибудь подлянку. Да?

– Непременно, – отвечал Кульбериев. – В его стиле. О! Похоже вот оно...

Он не сводил глаз со своего оппонента и сразу заметил, как тот подал знак какому-то мужичку в спортивном костюме, сидевшему в самой середине зала. Тот сразу поднял руку, испрашивая слова, и девушка с микрофоном на удивление лихо подбежала к нему. Тот схватил здоровенной рукой аппарат и с прищуром уставившись на Согрина, начал речь. Судя по всему, оба друг друга знали и даже поприветствовали.

– Вот снова ты на выборы идешь, и опять будешь как и прежде, обещать сквозь зубы? Ха, молчи, я сам все скажу народу. Граждане, ситуация была очень показательная. В прошлый раз, когда Согрин баллотировался в депутаты, его пиарщики водили по разным социальным объектам, он там с людьми встречался. И пришел он ко мне, значит...

Судя по довольной физиономии пиарщика от конкурирующей организации, ничем хорошим данная история не могла закончиться, Кульбериев стал подавать знаки Согрину, чтобы попросил задающего вопрос переходить к конкретике. Но тот в его сторону даже не посмотрел, слушая и слегка

улыбаясь человеку.

– Да успокойся ты, – усмехнулся Тонов. – Все будет хорошо, я договорился.

Судя по тому, как постепенно хитрая улыбка на лице Мокрушина стала менять кривизну рта в иную сторону, а кожа приобретать мертвенную бледность, становилось ясно, что Тонов не шутит.

– Я тренирую ребятшек в спортивном клубе «Росток», если кто меня не знает. Виталий Витальев меня зовут, – представился человек из зала публике. – Так вот! Эти ребята, которые против Согрина выступают, предложили мне деньги, чтобы я насочинял всякое на него. Мол, и пьянствует, и наркоманствует и все такое. Более того! А теперь сама история: в прошлый раз пообещал мне Согрин сделать в спортклубе новые окна. Старые дрянь, там дыры с кулак, ребятшки тряпками заделывали. А он пообещал новые. Он проиграл те выборы, как помните. И знаете что? Звонок в зал, открываю – стоит бригада оконщиков. Все сделали как надо. Я ему звоню, спрашиваю – «а зачем, ведь выборы уже прошли?» И он мне в ответ: «Ну и что? Мои обещания вечны, они не зависят от выборов и прочей шелухи». И вот тогда я в него поверил. И сейчас у меня даже вопросов к нему нет, есть только пожелание – ребята, поддержите его!

Зал зашелся хохотом – в основном из-за зеленого лица противника Согрина. Тот открыл рот, закрыл, беспомощно выпучился на Мокрушина, мол, выручай, пиараст.

– Ложь! – крикнул тот, вставая с места. – Вас купил Согрин, чтобы вы оговорили его противника? Никому мы ничего не платили и платить не собираемся! Это все ложь!

– Уверен? – холодно спросил его тренер спорклуба и поднял в руке диктофон. – У меня есть отличная привычка записывать все разговоры. Чтобы ничего не забыть. И чтобы при случае подтвердить, что и когда мне говорили. Есть желание прослушать?

– Ннет, – мякнул совершенно опустошенный Мокрушин, садясь обратно на свое место. Его поведение тренер объяснил публике с насмешливой улыбкой:

– А как же. Вы же там все обкуренные, мат на мате, ваш кандидат визжит как поросенок... Кому охота это слушать?

В зале нарастала волна смеха. Кто-то попросил скинуть аудиозаписи в Интернет, кто-то настаивал все же послушать прямо сейчас, но публику остановил модератор, заявив, что это все выходит за рамки дебатов. Потому предложил вновь вернуться к конкретным вопросам, коли у тренера Витальева их не оказалось.

Поднялась рука и девушка подошла к миниатюрной шапке в кепочке. Если не вглядываться, в ней можно было и не узнать Александру Валиеву. И голос она сделала нарочно чуть выше обычного, с изумлением спросив на весь зал:

– А я не поняла, то есть, если я сейчас расскажу, как меня учил Мокрушин, что Согрин меня соблазнил и оставил с ребенком, то мне не заплатят?

Зал просто грянул от дикого хохота. Тонов смеялся со всеми, даже собранный и взволнованный Согрин слегка дернул щекой, изображая улыбку. Кульбериев что-то бормотал, ничего не понимая. Тонов в ухо ему произнес:

– Ничего особенного – прослушка, подосланные люди и знакомство с Витальевым.

– А чего мне не сказал?

– А хрен тебя знает, – прямо пояснил Тонов. – Вдруг ты тоже Мокрушину продался. Или разболтаешь Бровкиной, а уж та я уверен точно – если не продалась полностью, то часть инфы точно сливает.

– Откуда... – попытался возразить Кульбериев. Но вспомнил слова про прослушку и сразу замолк.

– Давайте заканчивать клоунату! – не выдержал модератор. – Последний вопрос, и заканчиваем встречу! О, господин Мокрушин?

Да, именно он и поднял руку, когда вокруг все уже собирали вещи, готовились к выходу, попутно похихикивая. Шоу получилось знатное, Согрин, проигрывая вначале собственным тусклым выступлением, победил в глазах электората, воспользовавшись помощью из зала. История про выполненное обещание, когда его уже не надо было выполнять, проняла народ.

– Вопрос господину Согрину, – едва взяв себя в руки, заявил Мокрушин, перехватив микрофон двумя руками. – А ведь у вас сын умер от наркотиков. Почему же вы ни-

чего не сумели с этим сделать? Как вы сумеете что-то сделать для нашего района, если не смогли для себя?

В зале наступила тишина.

В ней отчетливо прозвучал чей-то уверенный мужской голос:

– За такие вопросы морду бьют.

Но Согрин жестом попросил воздержаться от оценки испрашиваемого. Он посмотрел в пол, тщательно подбирая слова.

Тонов тихо прошипел Кульбериеву:

– Вот кто Мокрушину настучал о сыне-наркомане? Бровка! Ссука...

В свою очередь на сцене дворца культуры словно бы исчез и модератор, и соперник Согрина. Остался лишь он один, словно выступающий соло выдающийся артист. И зал внимал каждому его слову.

– Вы знаете, господин Мокрушин. Да, больно, когда твой единственный сын становится наркоманом... И я делал многое, я пытался оградить его от плохой компании, пытался обращаться к врачам, к правоохранительным органам. Но у меня не было опыта в таких делах. Врачи оказались шарлатанами. Именно его друзья и посадили на наркоту, намереваясь через него выкачивать с меня деньги. Я обращался в прокуратуру, следственные органы, полицию... все было зря. Никого не задерживали, никого не садили. Вы знаете, я ведь даже до Госдумы дошел.

Согрин вздохнул, собираясь с мыслями.

– Да, бился, бился и добился. Назначили там совещание какого-то комитета, чтобы подумали, что делать против наркомании в стране в целом. И приспичило меня там зайти в туалет. Захожу после пачки местных депутатов их комитета, отвечающих за антинаркотическую ситуацию в стране... А там смотрю – в мусорке эти самые шприцы. Ну вы понимаете, да? И что эти люди могли мне, какую помощь оказать в борьбе с наркомафией? И вот я вернулся домой с железной уверенностью, что никто мне не поможет. Сын исчез, потом выяснилось, что умер от передозировки. Я продал часть бизнеса, стал подкупом и связями узнавать, кто подсадил его на иглу, как так получилось, что у нас в городе наркомания процветает пышным цветом, а власти не чешутся. Как так? Писал, долбился, все как в глухую стенку. Вышел в итоге на наркобарона местного. Он особо и не скрывался, кстати. Понимая, что мне никто не поможет, решил его убить. И вот я еду с раннего утра к его коттеджу со своим охотничьим ружьем, а там уже спецназ. Да не наш. А берите выше. Скрутили этого наркобарона, Кобеленок его кличка, а как имя и знать не хочу. Первыми, кто туда после штурма прибыли – местная полиция. Так ее всю там тоже скрутили. Все были мазаны одним миром, суки. Мне потом говорили, эту банду долго раскручивали, требовалось собрать много материала, выявить все цепочки. Много кого взяли на верхах. И действительно, выяснилось, что Кобеленок це-

ленаправленно подсаживал молодежь на иглу. Вот такая история. Мог бы я спасти своего сына? Мог бы. Если бы пристрелил этого подонка раньше. Я и сейчас жалею об этом. Да, эти твари получили срока и гниют на зоне. Но от этого мне не легче. Встреться мне сейчас Кобеленок, убил бы на месте без раздумий. Слов нет. Но это уже никого не вернет...

16. Фактчекинг

Утром их всех собрал Согрин у себя на предприятии, в рабочем кабинете. В дорогих кожаных креслах уместились Бровкина, Кульбериев и Тонов. Сидели, травили шутки, пили кофе. Сам кандидат в депутаты недовольно смотрел в окно и хмурился. Его вид сильно контрастировал с только что полученной информацией: обнародованные результаты показали более чем убедительную победу Согрина на участке.

– Я... мы, в смысле, наконец-то сделали этого Мокрушина! – не скрывал ликования Кульбериев. – Как долго я ждал! Наконец-то!

– Не благодари, – с деланной ленцой отвечал Тонов. – Это было довольно легко. Я даже половины заготовок не использовал!

– Ну да, – вынужден был признать Кульбериев. – Таких мозгов еще поискать. Я бы, честно говоря, ни за что бы не додумался так с Витальевым.

– Витальев – наша удача. Он сам по себе понял что к чему и вызвался сыграть свою роль.

Скрипнула дверь, высунулась секретарша.

– К вам посетитель!

– Кто?

– Как ваше имя? – спросила, повернувшись к невидимому из кабинета гостью девушка-красавица.

– Мокрушин, – ответил голос. Кульбериев нервно икнул, Бровкина вжалась в кресло, Тонов отставил кружку с кофе и принял позу заинтересованного человека, точно ребенок, которого усадили смотреть увлечательный мультфильм. Согрин с некоторым удивлением пригласил заходить.

Это был Мокрушин. Непобедимый доселе пиарщик. Бравший баснословные гонорары и смело гарантировавший возврат всех средств, если заказчик не победит на выборах. На этот раз ему, видимо, пришлось вернуть сумму.

– Привет честной компании! – слегка натянуто улыбнулся он. – Признаю вашу победу, господа пиарщики. Вы сумели меня удивить, да... И вас поздравляю с заслуженной победой!

Тут он слегка склонил голову, при этом едва не скинув на пол очки.

– Спасибо! – кисло ответил Согрин. Бровкина тоже что-то брякнула, а Тонов и Кульбериев не удостоили проигравшего даже звуком.

– И в качестве подарка у меня для вас небольшая информация, – слегка улыбнулся Мокрушин. – Но можно это сделать наедине? Уверяю, она вам очень понравится! Или, по крайней мере, будет полезна.

Пиарщики переглянулись и направились к выходу, оставляя Согрина с Мокрушиным наедине. В приемной, одеваясь, Кульбериев ехидно заметил Тонову:

– Говорят, за победу на выборах Мокруше посулили трех-

комнатную квартиру в центре города. Как он обломился, да? Ха-ха!

– Нет, нет и еще раз нет – никаких судов! – это кричал Кулик, скрываясь в своем кабинете. К нему опять пытался найти подход Карамышев с идеей отсудить кучу денег с конкурентов за то, что воруют его фотографии. Хлопнула дверь прямо под носом фотокора. Тот с досадой выматерился. Даже рыбки из аквариума смотрели на него сочувственно. А уж что говорить про Тонова, проходящего мимо. Он как раз приехал от Согрина и находился в весьма веселом расположении духа.

– Не печалься! – похлопал Карамышева по плечу Тонов. – Имей терпение! Все еще поменяется!

– Да как поменяется! – едва не всхлипнул Карамышев. – Они же... мои... воруют! И каждый день все наглее и наглее!

– Ну и пусть воруют, больше потом отсудишь, – утешил Тонов. – Тем более, что скоро руководство может поменяться. А там и взгляды на суды тоже.

– А что, у нас Кулик куда-то уходит? – не понял намека Карамышев.

– Да нет, просто, говорят, сестра Вирхольма вступает в наследство, – ответил ему Тонов, приоткрывая дверь в свой кабинет. Дверь была не заперта – внутри уже находилась Алек-

сандра Валиева. Она подняла на него подозрительный прищуренный взгляд с экрана ноутбука.

– Ты ее знаешь? Что за тетка? – вдогонку вопрошал фотокор.

– Неа не знаю, я просто надеюсь, что она будет очень адекватной собственницей, – проникновенно ответил Тонов, хлопаясь на свое кресло. – Ну как адекватной... вот Фродо наша вроде временами тоже адекватная, но те биткоины я никогда не забуду.

Валиева свирепо фыркнула. В кабинет зашел Плашкин с вопросом в глазах. Он всегда так делал, когда не хватало материала в газету и срочно требовалось что-то сдать, дабы прикрыть дыры в полосах. Тонов уверенным жестом дал понять, что ситуация под контролем и скоро он порадует очередным горячим материалом. Как раз на заданный объем текста.

– Много ставить придется, – вздохнул Плашкин. – У нас же слетела полоса про садоводство, забухал нештатный автор, председатель СНТ, который нам поставлял экспертные статьи о выращивании растений на даче. Осталось только письмо ветеранов с просьбой установить памятник... хм, Жукову. Смешно. Каким он боком к нашему городу. Плюс, это же кровавый мясник Сталина.

Александра глянула поверх ноутбука на Плашкина с насмешливым недоверием, еще раз фыркнула и продолжила работу.

– Да, да, он же кровавый мясник! – решив, что ему не верят, сказал Плашкин. – Вы знаете эту страшную историю, которую сам Жуков рассказывал Эйзенхауэру? Что когда во время войны в бою за какой-то поселок наши войска наткнулись на поле с противотанковыми минами, он погнал солдат в атаку прямо по этому полю, мол, бабы еще нарожают!

Валиева сделала непонятный жест ладошкой, еле оторвавшись от набивания какого-то текста. Ее пальцы так и порхали двумя бабочками по клавиатуре ноутбука.

– Вы мне не верите? – удивился Плашкин.

– Да мне, собственно, плевать на кровавого мясника Жукова, – пожалала плечами Валиева. – Вот только фразу «бабы еще нарожают» он никогда не говорил. Плюс противотанковая мина не взрывается, если на нее наступит человек. Она как раз на вес танка рассчитана. Так что чем здесь Жуков кровавый мясник не понять.

– Но это же всем известно! – взмахнул руками в изумлении Плашкин. Александра впилась в него испытующим взглядом. Потом тихо спросила:

– А вы точно редактор? Вы слышали что-нибудь про фактчекинг? Проверка фактов называется. Даже если вы железно уверены в факте, его все равно требуется проверить. Как раз чтобы не впадать в такие ситуации. А то еще начнете болтать всякую фигню, что, например, человек произошел от обезьяны, а Земля круглая.

– Земля круглая, – уверенно заявил Плашкин. – А человек произошел от обезьяны.

Александра тяжело вздохнула.

– Дяденька как бы редактор... Земля не может быть круглой. Круг – двухмерная фигура. Земля трехмерная, она шар, а еще точнее – геоид!

– Блин, – почесал подбородок Плашкин. – И впрямь! А обезьяны чем тебя в виде наших предков не устраивают? Мы создания божьи?

– Вы – точно нет, – уверенно объявила Александра. – Мы не предки обезьян, мы с ними имеем единых предков. Еще какие-то вопросы?

– Да есть один, – усмехнулся Плашкин. – Отчего вы тут, милая девушка, а не в академии наук?

– А можно потише? – попросил Тонов. – Я уже как бы работаю!

17. Подарок от Согрина

За окном гроыхала весенняя гроза. Затем хлынул настоящий ливень. Весь промокший – оттого что в принципе не доверял зонтикам – Тонов с негодованием отряхивался в коридоре, когда в его кабинете раздался звонок телефона. Пришлось добираться к аппарату, шлепая грязными мокрыми штиблетами по чистенькому полу.

– Але? – спросил трубку Тонов, едва добрался до нее.

– Кульбериев беспокоит, – убитым голосом вздохнула трубка.

– Чего опять недоброго случилось? – попытался взбодрить того шуткой Тонов. – Наш общий дружок распустил новый слушок – что ты натурал?

– Наш общий дружок все же обыграл нас, идиотов восторженных. А еще поздравлять пришел, весь из себя убитый... ссука, ненавижу...

Кульбериев злобно выругался.

– Чего случилось-то?

– Согрин задержан по подозрению в убийстве, – огоршил собеседника пиарщик. – Поскольку в отношении него возбуждено уголовное дело, он снимается с выборов автоматом и победу присуждают следующему по количеству голосов кандидату!

– Чего? За убийство? – не поверил Тонов. – Это шутка

такая замечательная пиаристическая с утра пораньше?

– Это реальность, Нео, – горько вздохнула трубка. – Но я тебе не по этому поводу звоню. Это только вводная часть. Согрин попросил тебя к нему в тюрягу приехать. Ты не против? Тогда водитель с адвокатом и нотариусом уже в пути, подхватят.

– Водитель – понятно, адвокат – естественно. Нотариус нахрена?

– Не ко мне вопрос, – вздохнул Кульбериев, отключаясь от связи.

Куча хмурых сотрудников полиции, скрипучие двери, решетки, лязг, еще лязг, гнетущие стены и пустые взгляды встречных. Таково было помещение, куда вошли Тонов вместе с молчаливым адвокатом и нотариусом. Адвокат – в аккуратном смокинге, манерный, аки Джеймс Бонд, нотариус – пожилая женщина с лицом «ну чем вы меня еще собираетесь удивить в этой жизни». В камере их ждал Согин, слегка осунувшийся, с сочным синяком под глазом и уже в спортивном костюме. Видимо, отлично подготовился к комфортной жизни за решеткой.

– Ну и какого хрена? – спросил вместо приветствия Тонов. – Победу слишком активно отмечали?

– Да нужна мне эта победа, – усмехнулся Согрин.

– Ладно, рассказывайте, чего натворили, – тяжело вздохнул журналист. Он выглядел, словно мамаша, которую вы-

звали в школу из-за поведения набедокурившего не первый раз сына-хулигана. Согрин и смотрелся набедокурившим сыном-хулиганом.

– Вы что, вообще телевизор не смотрите? – мягко спросил Тонова адвокат, раскрывая перед задержанным по обвинению в убийстве какую-то папочку с документами. Подал ручку.

– Из первых уст оно звучит надежнее, – туманно ответил Тонов. Он действительно не смотрел никаких новостей в последние дни, а тем более – в эту ночь, отмечая победу своего депутата в пафосном баре.

Согрин посмотрел на него с легким вызовом, как бы говоря, что совершенно ни о чем не жалеет. После чего поведал:

– Когда ко мне пришел с поздравлением наш вражеский пиарщик, он не только поздравил с победой. Он еще и передал мне интересную информацию. Как раз про того наркобарона и его сынков, что посадили моего сына в свое время на иглу и проводили на Тот Свет, активно поставляя это дерьмо. Так вот, он провел небольшую изыскательскую работу и нашел информацию, что они все вышли по УДО, я даже предполагать не стану, как подобное возможно... после всех их преступлений, всего, что они натворили. Так вот – вышли и живут на воле, подумывая продолжить свой бизнес.

Тонов прошипел несколько гнусных ругательств в адрес вражеского пиарщика. Согрин посмотрел на него с удивлением.

– Напротив, он действительно молодец! Я понимаю, что им двигали другие мотивы, ему нужна была победа любой ценой и он ее действительно теперь получил, даже ценой моей свободы. Но что свобода тела по сравнению с душевной свободой?

Согрин резко откинулся на спинку стула, так что даже стоявший за ним конвоир слегка дрогнул, видимо, посчитав, что тот сейчас попытается рвануть в побег.

– Короче, мой дорогой... хха, журналист Тонов. Он дал мне их адрес. Я взял родную «Сайгу», поехал по адресу, высадил дверь, и перешмался и эту тварину и его отпрысков. Они как раз там наркоту в мешочки затаривали.

– Вы не обязаны давать показания против себя! – вскинулся адвокат. Согрин успокоил его одним лишь взглядом.

– Виктор Маркович, я не прошу вас строить мою защиту на доказательстве невиновности. Постарайтесь это сделать с опорой на мое чистосердечное признание.

Тут он слегка усмехнулся и в глазах его блеснул недобрый огонек.

– Но не раскаяние.

– Глупо это все, – сказал Тонов. – Вы сейчас оставили кучу работяг своей фирмы, она же навернется без нормального руководства. А у них семьи, дети... Не жалко? И в качестве депутата могли много чего сделать полезного. Нафига? Наняли бы меня, я б все устроил красиво.

– Ты мне льстишь. Не настолько уж моя личность игра-

ет роль в управлении компанией. Тем более что я оставляю ее в надежные руки. В связи с чем и вызвал нотариуса. Маргарита Петровна?

– Все готово, – сообщила нотариус, протягивая Согрину бумаги. Тот взял их, внимательно изучил, попросил ручку для подписи.

– Знаешь, Тонов, почему я позвал тебя?

– Написать красивую статью о заключении?

– Если ты напишешь, как реально все было, я буду только благодарен. В этом мире осталось еще много выродков, торгующих жизнями чьих-то детей. И если даже один из них, ознакомившись с этой историей, решит завязать, значит – статья твоя будет полезной.

Адвокат скривил лицо в негодовании. Профессиональная деформация звала его заставить клиента отрицать все начисто, замечать следы, путать следствие – лишь бы скостить срок, а лучше и вообще перевести его на условное заключение, представив дело аффектом или самозащитой.

– В общем, Тонов, присмотрелся я к теме. Думаю, ты тот человек, который сможешь вывести газету из того болота, в которое окунул ее Кулик. Смекаешь, о чем я?

– Неа, – отвечал Тонов, ковыряясь в носу.

– Треть газеты теперь твоя, – Согрин энергично расписался в бумагах, часть отдал нотариусу, одну протянул Тонову. Тот взял ее, перечитал, с удивлением произнес:

– Блядь!

– Это сейчас у молодежи вместо «спасибо», – пояснил Согрин адвокату и нотариусу.

– Это больше, чем спасибо! – поправил его Тонов. – Это намного больше!

– Мда, похоже, в городе теперь властям станет веселее жить, – задумчиво сказал Согрин. – К счастью, это уже не моя забота.

На этом их свидание и завершилось.

18. Планерка и стрельба

Кулик с самого утра пребывал в очень мрачном настроении. Едва появился Карамышев, в очередной раз заикнувшийся по поводу суда по авторскому праву, поскольку у него своровали фотографии, он отчитал его последними словами и велел не беспокоить по пустякам.

– Да и сайт ваш пора прикрыть, а компьютерную девочку рассчитать и пусть валит на все четыре стороны! – прикрикнул он вслед выходящему из его кабинета фотокору. – Вот не было их, и проблем не было! А тут все к одному, то мэр звонит, орет благим матом, то его замша... А, вот и господин редактор пришел порадовать. Чем порадуешь?

– Чего это вы с утра такой злой, Сергей Феддеевич? – спросил Плашкин, подавая начальству стопку материалов, преимущественно от руки Топова. Красавина в последние дни стала все чаще брать больничные и просто отпуска без содержания, глядя в потолок и мечтательно улыбаясь. Скомкав распечатки трудов нового, но уже довольно маститого журналиста, Кулик поднялся с места, прошел мимо Плашкина и демонстративно закрыл дверь кабинета на замок.

– А тебе не показалось изначально, что вот этот наш прекрасный автор... слегка как бы не тот, за кого себя выдает? – спросил заговорщицки Кулик Плашкина.

– То есть? – не понял редактор странного вопроса.

– Да звонил тут недавно господин Мокрушин... или Мокрецов... или как там его. Ну ты должен знать, такой весь из себя пиарщик от Бога.

– Или еще от кого, – кивнул Плашкин, поскольку про данного пиарщика был уже слышан.

– Виитя! – тут собственник поднял указательный палец к потолку и выпучил глаза для важности. – Кто бы он ни был, но информацию выдает как надо! Он сообщил, что наш господин Тонов та еще личность! Мошенник и проныра! Он настолько проныра, что все его проделки никто не мог просечь, пока он их не совершал! Может, он и у нас что-то такое затеял, а? Вот где ты его встретил вообще?

– Ну я упал с крыши, держался из последних сил, а тут он свисает... он промышленным альпинистом подрабатывал.

– И рано утром внезапно оказался на стене дома, – задумчиво произнес Кулик. Видимо, в его голове начали складываться отдельные пазлы в единую картину. – А что это за дом?

– Кстати! – оживился Виктор Плашкин. – Я не хотел вас особо пугать, это был ваш дом! Еще подумалось – вот если загремлю, это будет забавно выглядеть, вы выходите из квартиры, а тут родной редактор распластался.

– Ой какое совпадение, – всплеснул руками Кулик, будучи уже давно в курсе с какого именно дома падал его редак-

тор. – А ты в курсе, что я навел справки у домкома – никто в тот день не заказывал высотных работ в моем доме? Этот твой господин Тонов внезапно оказывается у меня под окошком и что-то там устанавливает. Под видом работ. Прислушку или что-то еще подобное. И тут ты ему приятным бонусом...

– Что? – распахнул глаза от удивления Плашкин. – Вы хотите сказать, что он шпионил за вами, а потом нашел повод внедриться в газету!?

– Прямо ловишь на лету, – похвалил Кулик. И не понять, реально похвалил, либо съязвил.

– А зачем это ему?

– Хороший вопрос, да? Я думаю, его Согрин подослал. Все неймется дуралею, думает, это я Вирхольма заказал тому дурачку с ружьем. Вот мне делать больше нечего!

– Вы поэтому тогда и решили дать Тонову задание написать статью, когда пришла та парочка алкоголиков гасить Согрина? – догадался Плашкин.

– Угу, угу. – невнятно признался Кулик, прикладываясь к кофе с коньяком. Хотя, скорее, это был коньяк с кофе. – Должен был я понять, откуда этот перец нарисовался? Сам по себе или под Согрина работает?

– И что в итоге выяснилось?

– Ничего. Не было похоже, чтобы Согрин его нанимал под меня копать. Тем более что не такой Согра человек... не такой.

Тут Кулик вздохнул. Плашкину даже показалось – с завистью. Глянул с тоской в окошко, за стеклом моросил мелкий дождь. Громыкнула гроза.

Потому они и не открыли дверь сразу, когда в нее требовательно застучали – решили, будто это отголоски грома. Плашкин вопросительно посмотрел на шефа, тот кивнул, разрешая открыть кабинет. Это была Красавина. Возмущенная до предела, на что указывала растрепанная прическа, пунцовое лицо и сверкающие глаза.

– Здравствуйте! Я как раз пришла на Плашкина вам пожаловаться, Сергей Фаддеевич, и как хорошо, что он тут. Не придется говорить за его спиной. А почему это вы опять задвинули мои статьи и берете материалы только этого... любителя? Тонова!

– Почему? – переадресовал вопрос журналистки собственник редактору. Явно собираясь остаться в этом деле нейтральной стороной. Хотя лично давал распоряжение редактору притормозить творчество Красавиной, практически целиком состоящее из скопированных интернетовских текстов, дав преимущество Тонову – у того и язык оказался что надо, и темы интересные. Кроме того, требовалось выставлять предвыборные материалы от Согрина. Но обидчивой журналистке до этого дела не имелось: нет публикаций, нет гонораров, а значит – нет существенного куса зарплаты. А все намеки на копипасту из Сети она воспринимала в штыки. Тонкая душевная организация творческой натуры,

что поделать.

– В связи с производственной необходимостью, – сквозь зубы заявил Плашкин.

– Ах вот как! – скривилась Красавина, которую явно не устроило подобное пояснение. – А я кажется догадываюсь... это все из-за той недомерки, которая спит с Тоновым и которую он притащил с собой делать сайт! Вы решили, что она вам будет и статьи писать лучше меня?

– Ну это было бы нетрудно, – раздался вкрадчивый голос Валиевой за ее спиной. Александра, компьютерная девочка, недомерок, хоббит и прочая, прочая, стояла в дверях в обнимку с Тоновым и смотрела на Красавину без тени злобы. Скорее – насмешливо. – А теперь пшла вон, серьезные люди будут говорить, не мельтеши.

– Чтооо? – взывала Красавина, видимо, собираясь вцепиться сопернице по перу в волосы. Девушек разделил решительно шагнувший вперед Тонов. Он молча и торжественно протянул Кулику ксерокопию бумаги от Согрина, по которой треть газеты теперь принадлежала ему. Тот быстро прочитал ее, удивленно хмыкнул и воззрился на Красавину:

– Знаешь, что, дорогая. Иди ты и впрямь к себе. Нам нужно будет обсудить очень важное дело.

– Плашкин может остаться, да и хоббита я бы придержал, – сразу выдвинул условия Тонов и скривился от боли. Это его сзади ущипнула за ягодицу Валиева, которой не нравилось, что он ее обзывал полуросликом.

Красавина еще раз вспыхнула, зло забормотала под нос «вы еще поплатитесь, мы еще посмотрим!» и вышла прочь, громко хлопнув дверью.

Кулик в это время протянул бумагу Плашкину.

– Как интересно все складывается, – усмехнулся он. – Ну что ж, рано или поздно Согрин подобное бы про-вернул. Не удивлен.

– А я просто охренел, если честно, – признался То-нов. – Но подарки не отдарки. Потому думаю, впереди нас ждет планов громадье и маленькая кучка. Мы тут все на уши поставим, коллега! Хана теперь мэру!

– Ой вей, правдуруб, – вздохнул Кулик. – Ты же с таким гонором газету по миру пустишь! Мы как, думаешь, поло-вину экземпляров распространяем? Через мэрию! Ты своей пустопорожней критикой их озлобишь против нас, они нам каналы распространения перекроют и мы будем тут сосать.

Кулик выразительно посмотрел на Валиеву и пояснил:

– Мятные леденцы сосать будем.

– А мы начнем умно действовать, – не унимался Тонов. И тоже пояснил для Валиевой. – Умно, это не как тут было раньше.

– Ага, – кивнул Кулик. – А суда не боишься?

– Для этого у нас есть юридически подкованный това-рищ, – кивнул на Валиеву Тонов.

Кулик чуть помрачнев, тихо спросил:

– А закончить как Вирхольм не боишься?

Тонов прищурился и посмотрел на него с подозрением:

– Угрожаете, почтенный партнер?

– Дурак, я сам боюсь повторить его судьбу, – ответил спокойным тоном Кулик. – Или вы там с Согриным твердо уверены, что это я Вирхольма заказал? Так это чушь полная! Более того, я его по-своему любил. Да его все тут любили, отличный же человек. Был. Разве только Красавина, да та всех ревнует к своему незамысловатому творчеству.

– Ладно, переходим к делу, – сказал Тонов. – Пока меня интересуют планы по сайту и планы по судам за воровство фотографий. Карамышев землю роет, хочет расправы над нарушителями. Считаю, он имеет на это все права.

– Судыбы, – вздохнул Кулик. – Ненавижу суды. Я против! Пусть у тебя треть газеты, не забывай, другая треть – у меня. А я против!

– И чо делать в таком случае? – поинтересовался Тонов, почему-то у Валиевой. Та ткнула пальцем в пузо Плашкина. Так резко, что тот даже слегка отпрянул.

– У редактора есть процент газеты, – заявила она. – Вот пусть он и скажет нам, чью сторону принимает в деле сайта и в деле суда!

Плашкин слегка помялся, внезапно очутившись в центре общего внимания. Кулик смотрел на него с ожиданием, что тот займет позицию старого шефа, Тонов и Валиева глядели с легкой насмешкой. Видимо, заранее поспорили, чью сторону займет редактор и теперь ожидали его решения с азар-

том закупившего пачку лотерей лудомана.

– Прости, Сергей Фаддеевич, – наконец решился Плашкин. – Но сайт реально нужен. Надо идти в ногу со временем, иначе нас конкуренты сомнут. Да и с авторскими правами та же штукавина. Если мы не будем отстаивать свои интересы, кто мы? Тряпки?

– Моя победа! – сказала Тонову Валиева. – Я же знала, что пухлый внутри не такой пухлый! Оставим его редактором!

– Хорошо, – согласился Тонов.

– Напомню, господа, что кадровые вопросы решаются голосованием собственников, простым большинством, – сказал Кулик. – И вот ведь незадача – нет у вас в этом деле большинства.

Тонов щелкнул пальцами, мол, кое-что забыл сообщить очень существенное.

– Прошу прощения! Забыл представить нашу дорогую сотрудницу Александру Валиеву!

– Мы знакомы, – пояснил очевидное Кулик. – Не прошло и недели, а она уже нас заманала в край. Такую хрен забудешь.

– Александру Валиеву-Вирхольм, – продолжил невозмутимо Тонов. Насладившись окаменевшими лицами Плашкина и Кулика, он дополнил: – Она сестра Вирхольма, если кто не понял, и владелец трети газеты! Просто фамилии разные, поскольку отцы у них разные были. Матушка у нее такая своеобразная... ай! Ну чего сразу щипаться!?

– А... а чего же сразу не сказала? – поднял брови Кулик.

– Я не договорил! – продолжал Тонов. – Помощник прокурора города Александра Валиева! К счастью или сожалению – не нашего города. В общем, юридически подкованная девочка, да. А появилась она тут по той причине, по которой и я.

Тонов прошелся по кабинету, по-хозяйски рассматривая его обстановку.

– Короче, господин Кулик, однажды гулял я по улицам соседнего городка, куда меня забросила судьба, и увидел там на скамейке плачущую девушку. Вот эту. Ну и не смог пройти мимо. Подошел, спросил, чего плачет. А она с ходу: «У меня брата убили!»

– С этого все и началось, – вздохнула Александра Валиева-Вирхольм, почесывая ухо. Наблюдательный взгляд Кулика отметил, что у самого виска нечаянной наследницы имеется какое-то устройство типа гарнитуры. Помимо них девушка еще кого-то слушала, временами отвлекаясь. Возникло ощущение, что кто-то еще присутствовал неподалеку, временами докладывая ей обстановку снаружи.

– И вот мы начали проводить тут расследование, стараясь особо не мешать вам. Как водится в науке, используя метод наблюдения.

– Плашкин прекрасно подвернулся, когда с крыши упал, – встала Валиева. – Толстый такой кусок удачи!

– Ну и что, расследователи, много расследовали? – холод-

но спросил Кулик. – Накопали на меня чего?

– Дыши ровно, дяденька Кулик, – успокоила его Александра Валиева-Вирхольм. – Это не ты. Будь иначе, я бы тебя уже провожала за решетку. Ага?

– Хм, все думал, кого она мне напоминает, – усмехнулся Плашкин. – Так на Вирхольма походит. Тот же горячий нрав. А, шеф?

– Кто его убил, девочка!?! – спросил Кулик, не реагируя на слова редактора. Александра ехидно посмотрела на Тонова, подмигнула ему.

– Хороший вопрос. Как раз сейчас и узнаем! Его убийца уже идет к нам.

И впрямь, хлопнула входная дверь, после чего послышались четкие уверенные шаги человека по коридору, приближающиеся к их помещению.

А потом все произошло разом. Дверь от сильного пинка отлетела прочь, в проеме вырос огромный человек в черном, укутанный по самые глаза, чтобы не узнали. В его руках был дробовик. Совсем как в американских фильмах. Он поднял его с криком:

– Сдохни, пидор!

Ствол недвумысленно глянул в лицо разом побледневшего Кулика. И тут же грохнула целая серия выстрелов, все вокруг заполонил едкий пороховой дым. Это Валиева, резко развернувшись, выхватила из рукава небольшой писто-

лет и четко, словно на учениях по скоростной селективной стрельбе разрядила в непрошенного гостя всю обойму.

Без единого шанса: агрессор даже не успел ничего понять, рухнув на спину, прямо в коридор. В аквариуме заметались рыбки. Вскрикнула в своем кабинете Кольберг. Шумно заикался Плашкин.

– Готов! – с кровожадным злорадством произнесла Валиева, подходя к поверженному телу. Она аккуратно отодвинула носочком тапочка дробовик от тела убитого. Тонов было потянулось к оружию, но Александра цыкнула на него, велев не трогать ничего. Мол, теперь все предметы здесь – вещдоки.

Валиева заученным движением сменила обойму в черном пистолете, с невозмутимой улыбкой глядя на Плашкина с Куликом. Хотя даже Тонова мутило от недавно пережитого. А что творилось с более мягкими душой господами газетчиками трудно передать словами.

– Если господа хотят обоссаться прямо в штаны от страха, я их не буду винить, – сказала Валиева. – Не каждый раз к вам психи с ружбайками вламываются. Так, раз в полгода...

– Там еще кто-то идет, – пискнул Плашкин и пополз под стол, прямо в ноги Кулику. К счастью, новый гость угрозы не представлял. Быстрые семенящие шаги, оханье, затем женский крик:

– Марааат! Марааатик!

Это была Красавина.

Она бухнулась на колени перед убитым, зарыдала. Валиева смотрела на нее сверху вниз, что при ее росте вообще происходило довольно редко.

– Господи, как все просто, – разочарованно произнесла наконец помощник прокурора города. – Мой брат писал крутые статьи, разгромные расследования делал, нажимал на хвост мафии, мэрии... А заказала его вот эта безграмотная шлюха, возревновавшая к настоящему таланту. Заказала своему тупому ебарю-таксисту... Как несправедлив мир!

– Санька, ты, главное, ее не грохни, а то даже статус прокурорши не поможет, – взволнованно посоветовал Тонов. Его подруга лишь помахала ладошкой, призывая не беспокоиться:

– Она уже наказана. И в тюрьгу полетит на все свои сладкие года, гарантирую.

Александра повернулась к Кулику и вылезшему, но еще трясущемуся Плашкину и улыбнулась им:

– Ладно, дяденьки, стрельба стрельбой, а номер сдавать надо. Пойдемте проводить планерку!

КОНЕЦ